

Юрий Яковлев

«ЖЕНИХ И НЕВЕСТА»

Юрий Яковлев

**«ЖЕНИХ
И
НЕВЕСТА»**

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1974

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо Марине	7
Морской конек	14
Скрипка	21
Олин голос	26
Неотступный	31
Мой верный шмель	39
Всадник, скачущий над городом	49
Доставала сладостей .	61
Игра в красавицу	67
«Жених и невеста»	76

© Издательство «Молодая гвардия», 1974 г.

В редакцию детской газеты пришло письмо. Короткое, как телеграмма. Взмолвленное, как сигнал тревоги:

— Я влюбилась! Напишите, что делать?!

Это тревожное письмо кочевало по всей редакции из комнаты в комнату, и взрослые люди чесали затылок и говорили:

— М-да, что же ответить?

А отвечать надо было. И тогда это письмо переслали мне:

— Попробуйте, может быть, сможете ответить.

Я взял письмо.

И отвечал на него... в течение нескольких лет.

Бывают такие вопросы, на которые отвечают одним коротким словом: да или нет.

Вопрос, который задала девочка в письме, был очень короткий, зато ответ на него...

Ответ! Некоторые ребята думают, что взрослые могут ответить на любой вопрос. И, посылая письмо в редакцию, надеются, что там-то наверняка есть нечто напоминающее последнюю страницу

задачника, где собраны правильные ответы на все задачи. К сожалению, а скорее, к счастью, такой странички нет: на жизненные вопросы нельзя ответить однократно и точно. Иначе жизнь была бы серой и одноцветной, а не полной борьбы и поисков!

Но писатель, как мне кажется, может помочь человеку самому решить жизненную задачу. И я решил пойти именно по этому пути. Я не изобретал готовые ответы и не составлял рецепты. Я внимательно присматривался к тем удивительным и прекрасным отношениям, которые возникают между мальчиками и девочками, вспоминал свое детство и отрочество — и писал рассказы. И, возможно, эти рассказы помогут разобраться моим дорогим читателям в своих чувствах.

Эта книга не обычная. Это ответ на письмо. На короткое тревожное письмо: «Я влюбилась! Напишите, что делать?!»

ПИСЬМО МАРИНЕ

Он стукнул перышком и вывел первое слово: «Марина». Он долго думал, прежде чем написать это слово. Оно должно быть не первым, а вторым. А перед ним ему хотелось написать «дорогая», или «милая», или «самая лучшая».

В его голове пронеслась целая вереница слов. Они были скрыты и звучали вполголоса, словно кто-то произносил их шепотом.

Он испугался этих слов. И поэтому, когда написал «Марина», ему сразу полегчало.

Он грыз кончик тонкой оранжевой ручки и раскачивался на стуле, словно хотел научить стул стоять на двух ножках.

Оказывается, писать письма — трудное дело. Потруднее алгебры.

Он перестал качаться и устоялся в одну точку. И увидел перед собой Марину. Он увидел ее так отчетливо, словно сидел сейчас за партой. Он видел ее профиль: каштановые волосы, белый лоб, ровный нос. Румянец не на щеке, а повыше — на скуле. Он так хорошо изучил Марину, что мог бы ее нарисовать по памяти.

Когда на уроке он смотрел в сторону Марины, из оцепенения его выводил голос учительницы:

— Почему ты смотришь в сторону?

Он вздрагивал и невпопад отвечал:

— Я смотрю в тетрадку.

— А надо смотреть на доску, когда я объясняю.

Хорошо, он будет смотреть на доску. Доска скрипела. Мел крошился. Цифры казались ему какими-то непонятными знаками, лишенными всякого смысла. Он смотрел на доску, а видел Марину, словно учительница рисовала ее портрет на доске.

Потом началась зима. Шел снег. Это спускались с неба миллионы маленьких раскрытых парашютов. Целый десант.

После урока играли в снежки. Марина была самой красивой девочкой, и поэтому ей доставалось больше всех. В некрасивых никто не бросал снежки. Каждому хочется бросить в красивую. Марина защищалась. Она закрыла лицо портфелем, как маленьким боевым щитом. Но ребята кидали со всех сторон. Сперва Марина смеялась. Потом в ее глазах появился испуг. Когда снежок попал за воротник ее серой меховой шубки, ему захотелось кинуться на ребят, защитить Марину, пусть даже ему попадет по уху. Но вместо этого он слепил свежий сырой снежок и тоже кинул в Марину. Он ненавидел себя за это, но ничего тогда не мог с собой поделать.

Сейчас надо написать об этом снежке. Пусть Мари-

на не думает, что он такой бесчувственный чурбан. Он не хотел...

Он уперся локтями в стол и стал смотреть в окно. Стены домов, каменные ограды, стволы деревьев были старательно побелены. Вероятно, людям, живущим на юге, белый цвет напоминает свежий морозный снег.

Он подумал о том, как в феврале встретил Марину в коридоре и, заикаясь от смущения, сказал:

— Приходи на каток.

Он был уверен, что Марина скажет какую-нибудь дерзость. Но она почему-то сразу согласилась.

— Если хочешь, приду, — сказала она и посмотрела на него серьезными карими глазами. — Жди меня у входа в семь.

Он пришел на каток в половине седьмого. У него не было часов, и он боялся опоздать. Он стоял на противоположной стороне и внимательно следил за входом. Шел крупный бесшумный снег. Горели десятки лампочек. Из этих лампочек было составлено слово «Каток». А веселая музыка наполняла его сердце тревогой. Несколько раз ему чудилось, что идет Марина. А это оказались другие, незнакомые девчонки. И каждый раз, когда он ошибался, ему становилось неловко.

Он ждал долго, и ему уже начинало казаться, что Марина не придет. Наконец он увидел, как она подошла к ярко освещенному входу. Он не бросился к ней навстречу, а спрятался за уступом дома и стал смотреть на нее. Она поворачивала голову то вправо, то влево: искала его глазами. А он все медлил, все не решался выйти из своего укрытия. «Еще минутку! Еще минутку!» — шептал он сам себе. И все тянул время.

Марина отвернула краешек мехового рукава своей шубки и посмотрела на часы. Потом она еще немного потопталась на месте и пошла на каток. А он все стоял и смотрел. Когда Марина ушла, сердце его сжалось, и

ему неудержимо захотелось догнать ее. Но он не мог пошевелинуться. Так и стоял в своем укрытии.

Он презирует себя за малодушие. И ему хочется написать Марине, что он был у входа на каток. Пусть она не думает, что он забыл или у него появились более важные дела.

Он вдруг почувствовал, что у него замерзли босые ноги. Самому было жарко, а ноги замерзли. Он встал со стула. Дверь была приоткрыта. В широкую дверь вошел солнечный луч и расстелил по полу светлую дорожку. Весь пол был прохладным, а солнечная дорожка теплая. Он стал ходить по ней и греть ноги. Ему хотелось уйти по этой солнечной дорожке от своих тяжелых дум и от ненаписанного письма.

Но он заставил себя вернуться к столу.

После случая с катком Марина перестала его замечать. Он решил, что она никогда в жизни не простит ему обмана и не заговорит с ним. И от этого он чувствовал себя несчастным. Но однажды Марина подошла к нему и, как ни в чем не бывало, сказала:

— Завтра все идут в кино. Ты пойдешь?

— Пойду, — пробормотал он, краснея от неожиданности.

— Давай сядем рядом?

Он поднял глаза на Марину, и у него перехватило дыхание. Ее карие глаза светились. Они все прощали. Они были заполнены тихой, необъяснимой радостью. Он смотрел на них и от смущения не мог произнести ни слова.

— Сядем рядом? — повторила Марина.

— Да, — выпалил он.

Он ничего не мог понять.

В эти дни в городе начала хозяйничать весна. Она, видимо, не любила белый цвет и решительно перекрашивала город на свой лад. Снег беспомощно жался

к домам, но весна настигала его и тут. Разлились лужи. Сырые ветры носились по улицам. И казалось, что за каждым углом — море.

Он шел в кино, не разбирая луж. Он вообще ничего не замечал. И если бы на пути в самом деле встретилось море, он зашагал бы по морю, море было ему по колено.

У кино стояла учительница. Она держала в руке длинную синюю бумажную ленту и раздавала билеты. Когда он пришел, у большинства ребят уже синели в руках билетки. А у Марины не было билета. Она ждала его.

Завидев его, Марина подошла к учительнице и сказала:

— Дайте мне билетик.

И пока учительница отрывала от синей ленты билет, Марина глазами звала его. А он стоял как пень.

— Кому еще? — спросила учительница.

Марина звала его глазами: «Ну что же ты медлишь? Бери скорее следующий билет, и мы будем сидеть рядом!» Но он топтался на месте, пока билет не взял Ленька Клочков.

В кино он сидел не с Мариной, а рядом с Ленькой Клочковым. Ленька весь сеанс грыз леденцы и кричал:

— Законно! Законно!

А он весь сеанс ерзал и все старался взглянуть на Марину. Но ему мешал Ленька Клочков.

Как жарко здесь, на юге! Конечно, здесь море. Но невозможно весь день просидеть в море. А когда без моря — жарко. Можно вылить на себя ведро воды, чтобы не бежать к морю. Но ведра хватит на пять минут, потом снова будет жарко. А почему он, собственно, должен писать письма?

Он уперся большими пальцами ног в пол и стал стучать пяткой о пятку.

А потом рука снова потянулась к оранжевой ручке. Надо писать письмо, раз обещал.

Он обещал Марине написать письмо с юга. Они шли вдвоем по набережной. На Марине было цветастое платье без рукавов и без воротника. А в глазах ее играло солнце. Марина держала руки за спиной, а ветер все время сбрасывал волосы на глаза. Ему хотелось осторожно коснуться ее волос и положить их на место. А он шел поодаль от Марины, чтобы не подумали, что он ее провожает. Ему казалось, что весь город знает, что он ее провожает.

Когда они дошли до Марининого дома, он быстро протянул руку и сказал:

— Пока!

Ему очень не хотелось делать это. Ему хотелось побыть с Мариной. Но он всегда поступал против своей воли, когда был с ней.

— Уезжаешь? — спросила его Марина.

Он посмотрел ей в глаза. И вдруг почувствовал, что сейчас должен рассказать ей, что не хотел кидать в нее снежок, и что на каток он приходил, просто не решился подойти к ней, и что в кино ему очень хотелось сидеть с ней рядом и он почти не смотрел на экран. Но он не знал, как решиться на этот разговор.

И тут Марина сказала:

— Напиши мне письмо.

Он сразу просиял. Он обо всем напишет в письме! Сказать трудно, а в письме все можно. Сел и написал. И он воскликнул:

— Обязательно! Я напишу тебе письмо. Длинное-длинное!.. Хорошо?

— Ага!

Марина качнула головой, и волосы снова съехали

на глаза. И он уже протянул руку, чтобы осторожно убрать прядку... но рука вернулась с полдороги. И он снова сказал:

— Я напишу тебе длинное письмо!

Уже много раз перышко окуналось в чернильницу и высыхало. Пальцы стали фиолетовыми. Если судить по пальцам, то можно подумать, что он исписал целую тетрадку. Но на белом листе было только единственное слово: «Марина». Он смотрел в одну точку. Видел Марину в коричневом платье с фартуком, в серой меховой шубке, в платье без рукавов и воротника. Марина смотрела на него, и ее глаза спрашивали: «Ну что же ты не пишешь? Ты же обещал!»

Наконец он взял себя в руки, в сотый раз ударил перышком о невидимое дно чернильницы и стал писать. Он рассчитывал, что письмо будет большим, но оно все уместилось на одном листке...

Когда письмо было написано, он быстро пробежал его глазами: проверил, нет ли ошибок. А то Марина будет смеяться. Потом положил листок в конверт, запечатал и облегченно вздохнул.

И письмо полетело с жаркого юга на север, где шли дожди и росли обычные березки, а не вечнозеленый самшит... На листке почтовой бумаги, вложенном в конверт, было написано:

«Марина!

Вот уже две недели, как я в Крыму. Здесь жарко. Море рядом. Купайся сколько хочешь. Только дно плохое.

Я купаюсь. Загораю. Играю в волейбол. Вчера я ловил рыбу. Два часа простоял между скал на одной ноге. И ничего не поймал. Это потому, что я ловил бычков на хлеб. А бычков ловят на самого бычка. Важно только поймать первого. Вот и все.

Ну пока!

Костя».

МОРСКОЙ КОНЕК

В пасмурный, прохладный день по серому заливу ползли ленивые волны с белыми мыльными гребешками. У берега они растекались, издавая сухой шорох, словно где-то неподалеку ворошили граблями сено. Чайки кружились над мелководьем, широко расставив белые крахмальные крылья.

По безлюдному пляжу бегала стайка девочек-подростков. Они прыгали, махали руками, до щиколоток забегали в залив, оставляя в воде бурлящую дорожку, — вспугнутые цапли, готовые вот-вот взлететь. Вода в заливе была холодная, купание отменялось, девочки не знали, куда себя деть, вот и носились по пляжу дикой стайкой.

Они были в разноцветных купальниках, у каждой за спиной «конский хвостик». Одна из дево-

чек надела синий мотоциклетный шлем, который прыгал на фоне волн, как огромный поплавок. Девочек было четверо, но за ними увязался мальчишка. Девочки как бы не замечали его, но втайне радовались, что он был с ними, и если начинали прыгать, то каждая старалась прыгнуть выше остальных, чтобы привлечь его внимание.

— Виль! Виль! Виль! — кричали девочки гортанными птичьими голосами. Этот клич был именем мальчишка, его звали Виль.

Подхваченное ветром перышко чайки закувыркалось, покатилося «перекати-полем» по пляжу, и стайка кинулась вдогонку, замахала крыльями, закричала:

— Виль! Виль! Виль!

Стайка остановилась, как бы опустилась с неба, у лодочки с парусом. Лодочка была ненастоящая — фанерная, и парус был ненастоящий — из простыни, он и хлопал на ветру, как простыня, повешенная для сушки. Лодочка никогда не плавала по заливу, она служила фоном для желающих сфотографироваться. Потом можно будет рассказывать, что ты ходил на ней под парусом. Рядом стоял фотограф и вверх колесами лежала тележка, на которой он привозил и увозил свою ненастоящую лодочку. Фотограф был тучным. Остатки волос расположились на его голове рыжим венком, словно это были не волосы, а увядшие лавры, ненастоящие, как и лодочка.

Девочки прыгали около лодочки и перебрасывались словечками.

— Можно прокатиться? — озорно спросила высокая, в оранжевом купальнике.

— Давайте лучше сниматься! — предложила подруга в синем шлеме.

— Давайте! Давайте! Виль! Виль! Виль!

Они галдели, фантазировали, вели себя подчеркнуто

шумно и дерзко, при этом ни на минуту не забывали, что с ними мальчик. Девочки бросали в его сторону быстрые взгляды, каждая как бы задавала ему тайный вопрос: как я тебе нравлюсь? При этом все знали, что нравится ему одна — Инга. И в своем неосознанном соперничестве подружки мечтали победить Ингу. Инга раздражала их, и это раздражение накапливалось, накалялось и наконец вылилось наружу. Черноволосая девочка в зеленом купальнике вдруг сказала:

— Как же мы будем сниматься, если у Инги одна нога короче другой?!

— Почему... короче? — с недоумением спросила Инга.

Вся стайка дружно загалдела:

— Короче, короче! Виль! Виль! Виль!

Инга посмотрела на свои ноги. Они были в песке до щиколоток — ровно настолько их замочил залив. Коленки в трещинках. На бедрах почти невидимый золотистый пушок.

Заметив, что Инга рассматривает ноги, девочка в шлеме закричала:

— Ты стоишь не на ровном месте! Встань на ровное!

Тогда Инга вскинула голову, сощурила глаза и сказала:

— Сама ты хромая!

И побежала. Видимо, ей не терпелось доказать, что она не хромает. Вся стайка кинулась за ней. Завились на ветру «конские хвостики»: рыжие, черные, светлые.

— Нет, нет, — стараясь перекрычать ветер, закричала высокая, в оранжевом купальнике, — она не хромая! Но у нее косит левый глаз.

— Да, да, у нее косит левый глаз! — на бегу подхватили остальные.

— Она на фотографии получится косой.

— Мы не будем сниматься с косой!

Инга остановилась. Стайка окружила ее полукольцом. Все стали бесцеремонно заглядывать ей в глаза. Инга отворачивалась. Тогда девочки забежали с другой стороны и снова заглядывали.

Виль стоял в стороне и не принимал в этом участия. Но он был рядом, и его присутствие подзадоривало девочек, раздувало в них злой огонек. Инга же испытывала гнетущую неловкость. Она была бы рада, если бы он ушел.

Она закрыла глаза руками — девочки стали хватать ее за руки и отрывать их от глаз. Инга отскакивала и снова закрывала глаза.

— Да у нее оба глаза косят! — кричала черноволосая, стараясь ухватить Ингу за руку.

— Как оба? — спросила Инга.

— Оба, оба! Так тоже бывает. Виль, Виль, посмотри, у нее оба глаза косят.

— Один смотрит влево, другой вправо! — засмеялся мотоциклетный шлем.

Что произошло с девчонками? Почему они забыли, что Инга их старая подруга? Почему им доставляет радость причинять ей страдания?

Виль смотрел в сторону залива. Его как бы не касалось, что происходит с Ингой. А ему хотелось накинуться на этих глупых девчонок, растащить их за «конские хвостики», наговорить дерзостей, но он был скован каким-то непонятным чувством, мешавшим ему прийти на помощь подруге.

И тут Инга обвела своих подружек колючим, ненавистным взглядом, крикнула им:

— Сами вы косые и хромые!

И бросилась бежать.

Подружки некоторое время стояли на месте, потом оглянулись на Вилия. Он стоял к ним спиной. Тогда, не

сговариваясь, вся стайка сорвалась с места и побежала за Ингой. Они бежали, и махали руками, и что-то кричали — вспугнутые цапли. А Ингу уносила вперед какая-то отчаянная легкость. Она убегала не от подруг, а от Вилья, чтобы он не видел ее бессильной.

Сперва девочки бежали резво, но постепенно их запал стал остывать. Они замедлили бег. Потом остановились:

— Ну ее... пусть бежит.

Инга бежала. Не оглядываясь, пока хватало сил. Потом упала на песок и долго лежала, не поднимая головы. Она слышала, как рядом шуршат плоские волны, как посвистывает низкий ветер, как кричат не поделившие добычу чайки. Когда наконец она оторвала от земли голову, то снова увидела Вилья. Он стоял, все так же повернувшись лицом к заливу, словно она никуда и не убегала. А убежали или уплыли на ненастоящей лодочке фотографа девчонки...

Инга встала. Колючие струйки песка потекли по спине и по животу. Ветер трепал ее «конский хвостик», Сквозь купальник белыми разводами проступила соль, словно не залив, а сама Инга была соленой. Виль повернулся к ней, и она испугалась, что сейчас он заговорит о подругах, которые донимали ее, и сказала первое, что пришло в голову:

— Смотри, у чаек малиновые лапки.

— Буду купаться, — мрачно сказал Виль.

— Брось! Вода ледяная.

— Люблю ледяную воду, — сказал Виль и стал раздеваться.

Сандалии полетели в разные стороны. За ними вспорхнула рубашка.

— У чаек и клюв малиновый... — отчаянно сказала Инга.

А Виль уже шагал по мелководью, стараясь быстрее

привыкнуть к холодной воде. Когда же, намочив края трусов, он добрался до первой косы, Инга крикнула:

— Я тоже буду... купаться!

Он оглянулся. Девочка стояла на берегу, скрестив руки и держась за плечи. Виль на мгновение представил себе, как вода будет обжигать Ингу, как перехватит дыхание и как потом ей будет холодно шагать по пляжу в мокром, пока морские сквозняки не высушат купальник. Он уже хотел было вернуться, но над ним с криком пронеслась стая чаек, и ему показалось, что птицы, перебивая друг друга, кричат:

— У нее косят оба глаза... Один смотрит влево, другой — вправо! Виль! Виль! Виль!

Это девчонки обернулись чайками и продолжают донимать свою подружку.

Виль повернулся и побежал вперед. Брызги, как искры, обжигали тело. Вода сдавливала грудь тяжелым холодом. Но Вилю казалось, что сейчас он делит с Ингой ее горечь и обиду.

Доплыв до второй косы, мальчик оглянулся — Инга стояла по колено в воде. Он успокоился и поплыл обратно. Но когда поравнялся с Ингой, то обнаружил, что купальник на ней мокрый. Лицо ее было бледным.

— Купалась?

Девочка не ответила, может быть от озноба не могла выговорить слово. Виль положил ей на плечо руку. Плечо было твердым и холодным, но под его рукой слегка потеплело. Так они стояли по колено в воде, и у обоих слегка постукивали зубы. А на ближней косе расселись чайки, зябко втянув головы и выставив малиновые носы.

— Идем! — сказал Виль и почувствовал, что плечо Инги стало мягче и теплее.

Инга повернула к нему голову и сказала:

— Вода... теплая.

— Вода... теплая, — согласился Виль, слизывая языком соленую струйку, стекающую по щеке.

Они пошли по бесконечному пустынному пляжу. На самой кромке берега лежала черная паутина водорослей и розовели хрупкие чешуйки ракушек. Среди этих даров залива лежал шахматный конь. Вероятно, кто-то из пляжных шахматистов долго искал его в песке. Виль нагнулся и поднял коня.

— Что ты нашел? Янтарь? — спросила Инга.

— Нет, — ответил мальчик, — морского конька.

— Покажи.

Виль подкинул и поймал деревянную фигурку и протянул ее Инге. Она поверила:

— Хороший морской конек!

— Возьми себе.

Она бросила в сторону мальчика острый взгляд, словно хотела убедиться, что он дарит ей конька не из жалости. Но неожиданно прочла в его глазах, что там, у ненастоящей лодочки фотографа, ему очень хотелось вступить за нее, оттащить девчонок за «конские хвосты», но он сдержался, потому что это было их девичье дело, в которое мальчишке не следует вступать, чтобы не унизить свою подругу.

Она осторожно взяла из его руки коня и почувствовала, как по телу прошла теплая волна благодарности.

— Верно, я не хромая? — повеселев, спросила она.

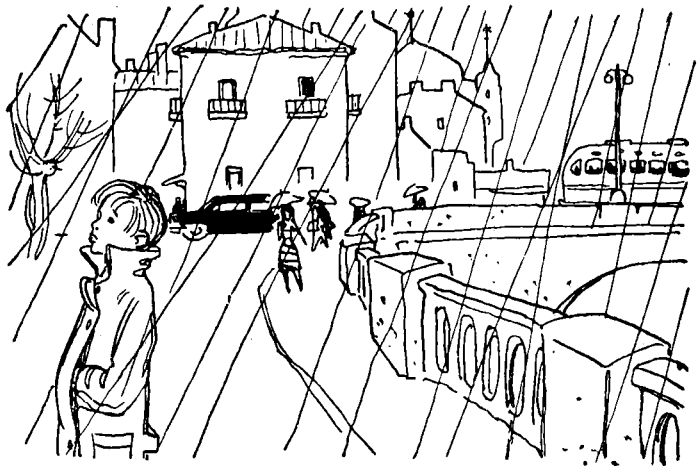
— Нет!

— И у меня не косят глаза?

— Не косят.

Инга рассмеялась и вдруг сорвалась с места, побежала. Она действительно была похожа на легкую длинноногую цаплю, которая весело танцует на своих тонких ногах, машет крыльями и гортанным голосом кричит на все побережье:

— Виль! Виль! Виль!

СКРИПКА

Вы когда-нибудь стояли под окнами музыкального училища на мокром асфальте, в котором отражается свет больших прямоугольных окон? Идет невидимый мелкий дождь. Торопливо шагают люди. Возникают и сразу же растворяются в сырой тьме огни машин. А из освещенных окон музыкального училища доносятся приглушенные звуки разных инструментов. Дом похож на оркестр, который настраивается перед концертом.

Не спешите уходить. Не обращайтесь внимания на дождь. Сейчас что-то случится. Может быть, распахнутся окна, и вы увидите множество ребят с трубами, флейтами, барабанами. А может быть, раскроются двери, и на дождь выйдет большой оркестр. Он пойдет через город, и сразу станет безразлично, что льет дождь

и что под ногами лужи. А вы прибавьте шагу, чтобы не отстать от поющих труб и скрипок.

Мальчик шел из булочной, а хлеб спрятал от дождя под пальто. Хлеб был теплый, и за пазухой словно лежал не обычный черный кирпичик, а живое существо.

Мальчик разгуливал под окнами музыкального училища. И хлеб грел его.

У каждого окна свой голос, своя жизнь. Мальчик слышал звук, похожий на одышку. Кто-то играл на большой басовой трубе. В соседнем окне звучала неторопливая гамма, похожая на лесенку. Видимо, маленькая робкая рука впервые прикасалась к клавишам. Рядом ревел баян. Он растягивал ноты, словно они были на пружинах, а потом резко отпускал их.

Мальчик прошел мимо трубы, мимо рояля. Не заинтересовал его баян. Он искал скрипку. И нашел ее. Она звучала в окне второго этажа. Он прислушался. Скрипка плакала и смеялась, она летала по небу и устало брела по земле. Все окна как бы умолкли и погасли. Светилось только одно.

Неожиданно кто-то положил ему руку на плечо. Он вздрогнул и обернулся. На тротуаре стояла круглолицая девочка с двумя короткими толстыми косичками. В руке девочка держала огромный виолончельный футляр. Он был мокрый и блестел.

— Опять ждешь? — спокойно спросила девочка.

Ее голос заглушил скрипку. Мальчик недовольно пробурчал:

— Никого я не жду.

— Неправда, — не отступала девочка, — чего ради стоять на дожде, если никого не ждешь.

— Я ходил за хлебом, — пояснил мальчик, — вот видишь... хлеб.

Девочка не обратила внимания на хлеб.

Она сказала:

— Ты ждешь Диану.

— Нет!

В его голосе прозвучало отчаяние. Но круглолицая стояла на своем:

— Ты всегда ждешь Диану.

Большой черный футляр от виолончели показался ему уродливым чемоданом. Ему захотелось вырвать его и бросить в лужу. Но девочка вовремя замолчала. Она доброжелательно разглядывала его. Он не знал, что делать, и трогал рукой теплый хлеб.

— Пойдем, — сказала девочка, — что мокнуть.

Ему ничего не оставалось, как пойти рядом с ней. Яркий освещенный дом музыкального училища растворился в дожде.

Через несколько шагов девочка протянула ему виолончель:

— Понеси. А то тяжело.

Он взял в руку этот большой нескладный предмет с чемоданной ручкой и почувствовал себя удивительно неловко. Казалось, что все знают, что ему хочется нести скрипку, а он тащит виолончель. С непривычки нести виолончель было не так-то просто: она была по ноге, задевала за водосточные трубы. И его спутница вскрикивала:

— Ой, осторожно! Инструмент стоит кучу денег!

Потом она сказала:

— Я часто вижу тебя около музыкального училища.

— Я хожу за хлебом, — ответил мальчик.

— Ну да, — согласилась девочка.

Она уже не вспоминала о Диане.

— Знаешь что, — предложила она, — пойдем ко мне. Я сыграю тебе ноктюрн. Мы будем пить чай.

Он ничего не ответил. Он вдруг подумал, как было бы хорошо, если бы рядом была Диана. И если бы она

сказала: «Я сыграю тебе ноктюрн. Мы будем пить чай».

Он бы нес ее скрипку, как пушинку, даже если бы она весила больше, чем виолончель. Он бы с радостью слушал скучный ноктюрн и пил бы чай. Как странно, что с одними людьми хочется все, а с другими — ничего.

— Так пойдем? — повторила девочка.

— Все равно, — сказал он.

— Вот и хорошо!

Она улыбнулась, и лицо ее стало еще круглее.

Дождь не проходил. Он обволакивал фонари, здания, силуэты деревьев. Все предметы теряли форму, расплывались. Город обмяк от дождя.

А почему он должен стоять под окнами и ждать Диану? Она пробегает мимо легко и свободно. Ей все равно, стоит он или не стоит. Есть он или его нет. Она стучит каблучками по камням. А эта сама заговаривает, и не убегает, и зовет его слушать ноктюрн и пить чай. И доверяет ему виолончель, которая стоит кучу денег.

Он вдруг подобрел. Ему захотелось сказать своей спутнице что-то приятное. Нельзя же все время дуться.

— Хочешь хлеба... теплого? — спросил он.

Она кивнула головой.

Он полез за пазуху и отломил кусок хлеба. Хлеб остыл, но был мягким.

— Как вкусно! — сказала она.

Он был доволен, что ей понравился хлеб.

— Ты любишь музыку? — спросила девочка.

Он покачал головой.

— Это твой большой недостаток, — подчеркнула она, — но ничего. Я научу тебя любить музыку. Идет?

— Идет!

Все складывалось очень хорошо. Круглолицая уже не казалась ему такой круглолицей и вообще бы-

ла славной девчонкой. Она уводила его от нудного дождя. Больше он не будет искать окно со скрипкой, а будет прислушиваться к голосу виолончели. Надо только получше запомнить, какой у нее голос.

— Ты хороший парень... — как бы невзначай сказала его спутница.

И он тут же согласился с ней.

Он согласился с ней и вдруг как бы запнулся. Ему показалось, что это не он шагает по дождю с большой, тяжелой виолончелью, а кто-то другой. И этот другой не имеет никакого отношения к неприступному зданию музыкального училища, к его таинственной жизни, к ярким окнам, у которых свои разные голоса. Все пропало. И его самого уже нет...

В следующее мгновение он остановился. Он поставил большой черный футляр на мокрый асфальт и прислонил его к дому. Футляр стал похожим на черную ящерицу с длинной шеей и маленькой головкой.

— Пока!

И побежал.

— Куда ты?.. — крикнула ему вслед девочка.

Но он не оглянулся и ничего не ответил. Он бежал обратно к музыкальному училищу, к скрипке, к самому себе.

ОЛИН ГОЛОС

Когда Оля уехала в Евпаторию, Володькина жизнь стала такой пустынной и неустроенной, словно он сошел не на своей станции и блуждает по незнакомым улицам, среди чужих людей. Ему казалось, что Оля уехала не на время, а навсегда, и он, Володька, ей больше не нужен, потому что в этой Евпатории сколько угодно таких Володек, есть даже получше, и они ходят по утрамбованному волнами песчаному берегу, след в след за Олей.

«Пусть ходят!» — мысленно говорил Володька и мысленно протестовал: «Нет, не пусть!» Володька чувствовал свое бессилие. Он готов был кинуться в бой хоть с ветряными мельницами. Но откуда в большом городе взяться дряхлым крылатым мельницам?

Володька не находил себе места. Он бесцельно сло-

нялся по городу, стараясь отвлечься от мрачных мыслей. На его пути возникали телефонные будки. Из этих будок он всегда звонил Оле. Не было в городе такой будки, из которой бы он не звонил Оле. И когда раздавался ее голос, телефонная будка оживала, наполнялась теплом, весельем. Будка вместе с Володькой взлетала в небо и кружилась над городом. А люди не знали, что будка летит и кружится, они нетерпеливо стучали в толстое стекло медными «двушками». Володька не слышал стука, он сильнее прижимал трубку к уху, и казалось, не телефонная трубка, а сам Володька был прикован цепью к телефону-автомату.

Теперь, без Олиного голоса, телефонные будки как бы вымерли. Они стояли как памятники счастливому времени, когда Оля не уезжала ни в какую Евпаторию. А что, если распахнуть тяжелую дверь, опустить монетку и набрать знакомый номер?! Эта неожиданная, лишенная всякого резона мысль пристала к Володьке, как колючка репья. Володька прошел мимо нескольких будок. Репей держался крепко. Володька нащупал в кармане теплую монетку. Прошел еще квартал... Он подошел к телефону, словно Оля никуда не уезжала. Снял трубку, словно Оля была дома. По привычке, почти не глядя, набрал номер, словно Оля ждала его звонка. Раздались мерные, медленные гудки. Они звали Олю, и каждый гудок отзывался в Володькином сердце болью. И вдруг из трубки в самое ухо прозвучало:

— Я слушаю.

Это был Олин голос. Володька отличил бы его из тысячи. Он знал в этом голосе каждую нотку, каждую хрипинку. Этот голос был всегда одинаково прекрасен: и в телефонной трубке, и у классной доски, и на спортивной площадке. Его звучание было важнее самого смысла слов. Оно само по себе имело смысл.

— Я слушаю.

Что же ты молчишь, Володька? Оля слушает! Нет никакого Черного моря, никакой Евпатории, никаких мальчишек на укатанном волнами песке. Жизнь вернулась в свою счастливую колею. Но Володька знал, что «я слушаю» сейчас произносит не Оля, а ее мама. Голос Олиной мамы был единственным в мире, который трудно было отличить от Олиного.

— Что же вы молчите?

Что же он молчит! Он застыл, растерянный, загнанный в узкую клетку со стеклянными стенами. Надо было немедленно повесить трубку, но ему хотелось еще раз услышать Олин голос, и он сказал:

— Попросите, пожалуйста, Ермакова.

«Вы не туда попали!» Все перепуталось в этой игре. Оставался только Олин голос. Он звучал, несмотря ни на что.

Теперь, когда Володька шел по улицам, телефонные будки притягивали его, словно намагниченные. Это были не простые будки, а бесценные хранилища Олиного голоса. Стоило опустить монетку, набрать номер, и на мгновение сердце наполняла радость, и ощущение своей полной ненужности пропадало, растворялось в нотах Олиного голоса.

Теперь Володька ждал наступления нового дня, чтобы услышать Олин голос. Этот голос звучал всегда ровно, без раздражений. Он терпеливо отвечал, что здесь нет ни Ермакова, ни Титова, ни Тамары Ивановны и что это квартира, а не телевизионное ателье.

Однажды, когда на вопрос, дома ли Шурик, голос отвечал обычное: «Здесь такой не живет», — Володька услышал тяжелый хрип. Привычные нотки как бы приглушались тяжелым частым дыханием. И тогда, вместо того чтобы сказать «извините» и повесить трубку, Володька спросил:

— Вы больны?

— Больна.

— Может быть, вам надо помочь?

В телефонной трубке зазвучал кашель. Потом слышалось учащенное хриплое дыхание.

— Спасибо... До свидания... Звоните.

Би-би-би.

Вдруг Володьке показалось, что это уже не игра. Оля заболела. И это ее голос пробивается сквозь тяжелые хрипы. Там, в Евпатории, она гуляет по берегу моря, а здесь она больна. И это она говорит: «Звоните».

Володьке захотелось немедленно снять трубку и позвонить. Но он сдержался.

Он вдруг подумал, что у Олиной мамы не только Олин голос, но и Олины глаза, Олины волосы, Олина походка. И потому, что в этой незнакомой взрослой женщине так много Олиного, он почувствовал прилив какого-то смутного, непонятного тепла.

Теперь Володька каждый день справлялся о здоровье Олиной мамы. И она, как доброму старому знакомому, отвечала ему, что ей легче, что кашель слабеет и что ей ничего не надо, спасибо. И каждый раз, заканчивая разговор, она говорила:

— Звоните.

И он звонил. Он звонил и слышал голос, который был для него таким неповторимым, единственным, что невозможно было представить, что этот голос мог принадлежать еще кому-то, кроме Оли. Он звучал в трубке у самого уха, словно сообщал ему что-то очень таинственное.

— Температура нормальная. Хожу по комнате. А вы дозвонились до Шурика?

— До какого Шурика? — вырвалось у Володьки, но он тут же спохватился — вспомнил правила иг-

ры! — и скороговоркой ответил: — Дозвонился. Шурик в полном порядке... Может быть, вам надо сгонять за хлебом?

— Спасибо. Завтра приезжает дочь.

— Оля?!

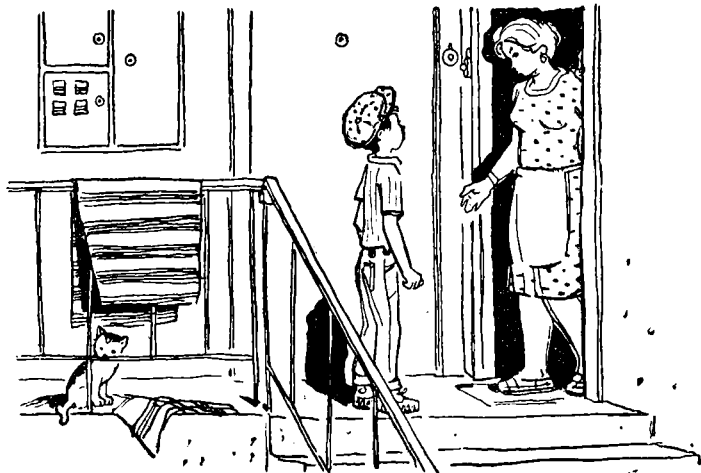
Он снова забылся, снова нарушил правила игры. Но когда игра подходит к концу, можно нарушить правила.

— Вы знаете мою дочь?

— Знаю.

— Ах, вот оно что!

В трубке тихо засмеялись. Но засмеялись без вызова, без обиды. Засмеялись Олиным голосом, Олиным смехом, чуть приглушенным и радостным. Этот смех как бы летел через всю страну из далекой Евпатории, заставлял радостно биться сердце, поднимал в небо кабинку телефона-автомата и кружил ее над городом. А море било валами по прибрежному песку, смывая следы евпаторийских мальчишек.

НЕОТСТУПНЫЙ

Дворовые сплетницы говорили: «Он ходит за ней как тень». На то они и сплетницы, чтобы ничего не смыслить и попусту молоть языком. Разве может тень понимать с полуслова, говорить «брось, все обойдется» в горестные минуты и заступаться, если человека обижают? Тень волочится сзади, как хвост, или норовит забежать вперед, или навязчиво шагает рядом. Но стоит солнцу спрятаться за тучу — тени нет, исчезла.

Он не был тенью. Он был неизменным спутником, верным другом, молчаливым рыцарем. Когда он уходил, ей сразу начинало чего-то не хватать: улицы становились уже, солнце светило вполсилы, не хватало травы, листьев. словно, уходя, он забирал с собой свою половину мира. Зато когда они были вместе, все приходило в норму: и улицы, и солнце, и трава.

Они никогда не договаривались о встрече. Но всегда случалось, что они одновременно выходили во двор или же сталкивались на улице. Словно подавали друг другу тайный сигнал. При встрече они не проявляли особой радости, а держались так, словно вообще не расставались.

Его звали, как римского императора, — Клавдий. Но император был здесь ни при чем. Это редкое имя ему дали в честь прадеда, погибшего еще в русско-японскую войну в начале века. Когда прадеда окружили японцы, он поджег пороховой погреб и ценой своей жизни убил несколько десятков вражеских солдат...

А ее звали просто Таня.

У них были свои владения: улица и двор. Все остальное уже не принадлежало им и было отделено строгой границей, которую они никогда не решались нарушить. Но им вполне хватало двора и улиц. Они часто выходили из полукруглой арки ворот и попадали в шумный людный город. Здесь они знали каждый дом, каждый сквер, каждую будку с мороженым, будто выучили их наизусть. И все же, как ни знаком был город, они делали все новые открытия. Иногда они натыкались на совсем незнакомый дом, иногда попадали в невиданный переулок. В эти минуты они чувствовали себя путешественниками и давали открытиям свои имена: переулок «Старичок», площадь «Ватрушка», сквер «Лужайка». Так в городе появилось много необычных названий, о которых никто и не подозревал.

В этот день он долго ждал Таню на улице. Он знал, что рано или поздно она появится. И она появилась. Он увидел ее издалека и сразу почувствовал, что слу-

чилося что-то неладное. Ее глаза были полны слез, и ей стоило усилий, чтобы не дать слезам вырваться наружу.

Таня, не останавливаясь, прошла мимо него. Он нагнал ее и зашагал рядом. Он смотрел на Таню, а она глядела куда-то далеко вперед, и губы ее слегка дрожали.

— Ты что? — спросил он Таню.

Она ничего не ответила. Только ускорила шаги, словно хотела уйти от его вопроса.

— Ты что?

Он легонько потянул девочку за руку. Она не отдернула руку, но продолжала молчать, будто потеряла дар речи и не могла произнести ни слова.

— Тебя кто-нибудь обидел?

Девочка утвердительно мотнула головой.

— Кто?

У него не хватало терпения дать Тане успокоиться. Он немедленно требовал ответа:

— Кто?

Девочка остановилась. Подняла на него глаза. Потом отвернулась в сторону и будто не ему, а кому-то другому сказала:

— Мать!

Это слово прозвучало жестко и холодно, словно было сделано из металла. Оно не имело ничего общего со словом «мама».

— Что она тебе сказала?

— Она ударила меня. По щеке...

Клавдий почувствовал, как по его телу прошел электрический ток, словно его тоже ударили по щеке и лицо горит от удара. Ему стало больно от своего бессилия.

Таня заметила, как ее друг изменился в лице. Теперь он смотрел в одну точку и мучительно думал,

что делать. Она никогда не видела его таким бледным и встревоженным и, забыв о своей обиде, спросила:

— Что с тобой?

Он не ответил. Крепко сжал Танину руку и сказал:

— Жди меня здесь. Я сейчас.

И побежал, не оглядываясь и не разбирая дороги.

Через три минуты он стоял перед Таниной дверью, сжав кулаки, красный, в фуражке, съехавшей набок. Он слышал, как в ответ на звонок в глубине квартиры раздались тяжелые торопливые шаги. Шаги отдавались в сердце. Они приближались, как снаряд, когда хочется зажмурить глаза и прижаться к стене. Но Клавдий не закрыл глаза и не сдвинулся с места. Он стоял прямо, до боли сжав кулаки, словно готовился к бою.

Дверь отворилась. На пороге стояла полная круглолицая женщина с желтыми волосами. Ее строгие глаза вопросительно смотрели на незваного гостя. Это была Танина мать, которая ударила ее по щеке. Она смотрела холодно и спокойно, как будто ничего не произошло. Она ждала, что Клавдий поздоровается и скажет, что ему нужно.

Мальчик с ненавистью посмотрел на Танину мать и сказал:

— Вы не смеете ее бить!

— Вот как! — сказала желтоволосая женщина, и глаза ее стали еще холоднее. — Это что еще за заступник?

— Вы не смеете ее бить, — повторил Клавдий.

— Да я тебя самого... — вырвалось у женщины, и она шагнула вперед, словно собиралась ударить защитника своей дочери.

Он не отступил. Он стоял на месте, полный решимости, и в упор смотрел на Танину мать. И эта решим-

мость поколебала женщину. Она опустила руку и вызывающим голосом спросила:

— А, собственно, какое тебе дело? Это моя дочь, и я воспитываю ее так, как нахожу нужным.

Незаметно для себя женщина заговорила с мальчиком, как со взрослым, более того, она как бы оправдывалась перед ним. Потом она рассердилась, что поставила себя на одну ступень с этим наглым мальчишкой, и повысила голос:

— Я ее мать, а ты кто? Что ты суешь нос не в свое дело? Что ты врываешься в чужой дом?

Она засыпала его злыми вопросами. Вопросы летели один за другим. Клавдий не мог ответить ни на один из них, да Танина мать и не ждала ответа. Когда она умолкала, чтобы перевести дыхание, он с упорством повторял свои слова:

— Вы не смеее ее бить.

Эти слова были острыми и беспощадными. Они больно били в одну точку, и Танина мать не могла парировать эти удары. А он стоял перед ней все такой же непоколебимый, со сжатыми кулаками, готовый простоять так вечно.

Танина мама вдруг умолкла. Накал ее гнева остыл.

Теперь она смотрела на мальчика скорее с любопытством, чем со злостью. Неожиданно она сказала:

— Что мы с тобой объясняемся на лестнице! Зайдем в дом.

Клавдию захотелось крикнуть, что он не желает заходить в дом, где людей бьют по щеке. Но им овладело желание хоть одним глазком посмотреть, где живет Таня. И он послушно переступил границу.

В доме с Таниной мамой произошла перемена. Она уже не кричала и не старалась сделать ему больно.

Она сказала:

— Раз пришел в гости, давай пить чай.

Он не приходил к ней в гости. И какой там чай! Разве сейчас до чая? Но весь поворот событий был таким неожиданным, что мальчик невольно повиновался этой чужой женщине с желтыми волосами.

— Проходи на кухню, а то у меня не убрано. Я ведь только с работы...

Клавдий никак не мог понять, почему его гнев перегорел и почему он послушно идет за человеком, которого ненавидел и презирал.

В кухне было светло. Гладкий кафель, светлые шкафчики сверкали зимней белизной. Танина мама усадила гостя на табуретку и стала ловко расставлять чашки, доставать варенье, заваривать чай. При этом она все время говорила с Клавдием, словно боялась, что если замолчит, то он встанет и уйдет.

— Как тебя зовут?

— Клавдий.

— Какое странное имя... Ты с Таней учишься?

— Я живу в этом доме.

— Вот как? А почему я тебя не видела? Ты какое варенье любишь: клубничное или из черной смородины?

Клавдий сидел на кончике табуретки и внимательно наблюдал за женщиной, хлопотавшей на кухне. Он обратил внимание, что у нее усталое лицо и среди желтых волос проступают седые нити. Движения у нее были уверенными и вместе с тем торопливыми. То ли она спешила поскорей напоить его чаем, то ли вообще привыкла к вечной спешке.

Мальчик не мог понять перемены, которая произошла с Таниной мамой. Он настороженно смотрел на нее и вдруг уловил в чужом лице знакомые черты своей подруги. Это открытие почему-то обрадовало его. И ему стало легче.

Наконец Танина мама разлила чай и села напротив

Клавдия. Она помещивала ложечкой и исподволь рассматривала защитника своей дочери.

— Ты давно дружишь с Таней?

Клавдий задумался, и ему показалось, что он дружит с Таней всю жизнь.

— Уже целый год, — ответил он.

— А что же ты не заходишь к нам?

— Да так, — выдавил из себя мальчик.

Некоторое время они сидели молча и пили чай. Клавдий пил, не желая обидеть маму. Он не чувствовал вкуса варенья. Чего стоит варенье, когда Таня одна ходит по улицам и переживает обиду! Клавдий подумал о подруге и укоризненно посмотрел на хозяйку дома. Она уловила это и, словно желая оправдаться перед ним, сказала:

— Трудно мне с Татьяной. Она все норовит сделать по-своему.

Теперь она жаловалась мальчику на непослушную дочь, на вечные заботы. Вероятно, ей давно не с кем было поделиться своими тревогами, и она избрала для этого мальчика, который совсем недавно готов был броситься на нее с кулаками.

А он внимательно слушал ее, и было похоже, что ее слова вызывают у него сочувствие. Но он не простил ей пощечину. Он только старался разобраться, как эта женщина, мягкая и в чем-то беспомощная, могла поднять руку на свою дочь.

— Вот и вспылишь, не выдержишь, — говорила она, как бы отвечая на его мысль.

Но ее слова не смогли растрогать мальчика.

Он вдруг снова извлек из ножен оружие.

— Все равно ее нельзя бить, — сказал он.

Оружие было уже не таким острым, но оставалось прямым и непреклонным. И чтобы смягчить удар, мальчик вдруг сказал:

— Таня хорошая.

Эти слова сами вырвались у него. Танина мама по-светлела. И он почувствовал, что она любит Таню.

Чаепитие подходило к концу, Клавдий сделал большой глоток и, переведя дух, сказал:

— Спасибо.

— На здоровье, — отозвалась хозяйка.

— Мне пора.

Он встал. Танина мама тоже поднялась, не зная, что предложить еще этому неожиданному гостю. Некоторое время они стояли, выжидательно глядя в глаза друг другу.

Ему вдруг захотелось сделать что-то приятное этой грустной женщине, но он еще не до конца простил ее и поэтому заторопился.

Она проводила его до двери и, когда он бросил «до свиданья» и шагнул за порог, сказала:

— Приходи к нам.

— Спасибо!

А Танина мама стояла на площадке, прислушиваясь к его удаляющимся шагам, и чувствовала удивительную легкость от мысли, что он бежит к Тане и что у ее дочери есть такой смелый и неотступный защитник.

МОЙ ВЕРНЫЙ ШМЕЛЬ

У меня в сарае поселился шмель. Каждый раз, когда я прохожу мимо, до слуха доносится густое жужжание и легкий звон. Можно подумать, что шмель большой бражник и веселится в сарае с компанией знакомых шмелей.

На самом деле никакой компании. Просто после жаркого дня шмель превращается в маленький вентилятор и проветривает свой дом. И это его проворно работающие крылья издают нескончаемый мохнатый звук «жжж-жжж-жжж».

Шмель оказался на редкость деликатным жильцом: заслышав мои шаги, он тут же выключает вентилятор, чтобы не беспокоить меня звуком, и продолжает проветривать дом только после моего ухода. Он вообще старается не попадаться мне на глаза. И я

вынужден напрячь память, чтобы представить себе, как выглядит шмель.

В детстве у меня был приятель Феля. Он собирал разных жуков, кузнечиков, ос. В его коллекции был шмель. Величиной с крупный боб, тигровой окраски, с черной глазастой головкой. Он был приколот к бутылочной пробке с табличкой «Шмель — земляная пчела».

У меня с этим Фелей сложились странные отношения. Как-то в коридоре я выбил у него из рук портфель, Феля щипнул меня. Тогда я толкнул его. Феля отлетел к стене, а я очутился в учительской.

— Ты ударил его? — спросила меня Римма Ильинична, маленькая подвижная учительница истории.

Я промолчал.

— Ты ударил его? — повторила она, нажимая на слово «ты».

— Толкнул, — пробурчал я.

— А ты знаешь, что он болезненный мальчик?

— Я не знал.

— Ты обратил внимание, что у него под глазами синие круги?

— Я думал, это чернила.

Стул скрипнул. Римма Ильинична встала.

— Ты знаешь, что с ним может случиться? — учительница приблизилась ко мне, и глаза ее округлились. — Он может умереть в любую минуту. Вот ты толкнешь его, а он умрет.

Мне стало не по себе.

— Я только один раз... толкнул.

— И одного раза достаточно.

Ее слова окончательно сразили меня. Мне стало страшно. Я представил себе Фелю... мертвым. В гробу. В школьной форме. В грязных ботинках. С портфелем на животе...

Когда я очутился в коридоре, то первым долгом кинулся искать Фелю. Он был жив! Стоял в коридоре и механически жевал бутерброд с колбасой. Беда миновала меня.

У него было худое вытянутое лицо и красные уши. Такие уши существовали специально для того, чтобы зацеплять за них дужки очков. Очки у Фели с толстыми стеклами, сквозь них невозможно было различить глаза. Глаза расплывались. Они превращались в двух серых рыбок, которые плавали в круглых аквариумах. Стоило посмотреть в них в упор, как глаза-рыбки куда-то уплывали... Вообще эти очки не увеличивали, а уменьшали: все большое выглядело в них маленьким.

После разговора в учительской я стал бояться Фели. И боялся его, как боялся фарфоровой вазы, которая может упасть и разлететься на мелкие черепки. Я обходил Фелю стороной, чтобы случайно не задеть его плечом. Когда в раздевалке возникала давка, я старался оградить Фелю от навалившихся ребят — отводил от него угрозу смерти.

Постепенно он занял в нашем классе особое положение. У него было вечное освобождение от физкультуры, и, когда мы прыгали, приседали, лезли на шведскую стенку, Феля сидел в раздевалке и читал толстую книгу.

Ему все разрешалось. Он мог пропустить школу — и никто не спрашивал почему. Все знали, что из-за опасной болезни. Бывало, Фелю вызывали к доске и он не мог ответить на вопрос.

— Ты не знаешь? — вкрадчиво спрашивала учительница.

Он молчал.

— Ты не выучил урок?

Феля тяжело вздыхал и прижимал к брюкам тон-

кие длинные пальцы. Всем своим видом он как бы говорил: да, я не выучил урок, потому что страдал от своего таинственного недуга. Учительница виновато опускала глаза:

— Ничего страшного, ответишь в другой раз. Садись... Не волнуйся.

Лицо Фели не озарялось радостью. Оно изображало страдание. В классе становилось тихо. Иногда Феле надоедало сидеть на уроке. Он поднимался и говорил:

— Римма Ильинична, разрешите мне уйти. Я записан к профессору-гельминтологу.

Римма Ильинична со скорбной значительностью смотрела на Фелю и говорила:

— Да. Да. Конечно. Ты можешь идти.

Он брал портфель и вяло плелся к двери, а я взволнованно смотрел ему вслед, словно провожал на подвиг.

Когда у меня в сарае поселился шмель, я никак не мог сообразить, в каком месте он живет. Я входил в сарай на цыпочках, чтобы шмель и его семейство не знали о моем приходе, и замирал. Я хотел определить, откуда тянется густая жужжащая нота. Обследовал стены. Потолок. Ползал по земляному полу. А бесконечное «ж» звучало то громче, то тише, словно шмель играл со мной в «жарко — холодно».

Однажды я пошел к сараю и уже вынул из кармана ключ, как вдруг из замочной скважины протиснулся шмель. Он был темно-янтарного цвета, с черными обручами вокруг тела. Шмель не испугался меня. Он вел себя очень спокойно. Я разглядывал его, а он, в свою очередь, разглядывал меня.

Он действительно был похож на шмеля из Фели-

ной коллекции! Я перенесся в далекие годы и вспомнил, как ходил по школьным коридорам и без конца повторял:

Шмелем князь оборотился,
Полетел и закружился.

Эти строчки из пушкинской сказки все время вертелись у меня на языке, и перед глазами возникал большой рассерженный шмель, который на самом деле был царевичем Гвидоном. Шмель Гвидон гнался за Бабой-Бабарихой, а близорукий Феля не разглядел, принял его за обычного шмеля и наколол на пробку.

— Зачем ты убил его? — с досадой спросил я тогда Фелю.

— Я усыпил его, чтобы без боли... — сказал в оправдание Феля и дал мне понюхать отвратительную, бьющую в нос жидкость, которой он усыплял насекомых.

Я до сих пор помню этот запах.

Итак, мой сегодняшний шмель вылез из замочной скважины и забрался туда обратно. Мы познакомились. Теперь мне было ясно: он поселился в двойной двери, утепленной войлоком. Я приложил ухо к шершавым доскам — дверь гудела. Вот бы перенести эту неструганую дверь к себе в дом! Очень приятно жить по соседству с хорошим шмелем и его шмелятами. Может быть, все шмели обладают чудесным даром определять в человеке фальшь и ставить под его глазом клеймо — радужную дулю?

Мне в свое время очень не хватало такого верного шмеля. Он был мне необходим в тот день, когда я поцеловал Лизу. Это было первый раз в моей жизни. Я даже не знаю, можно ли это назвать поцелуем. Я просто прижался к ее теплой, удивительно родной щеке губами...

Я думал, что она оттолкнет меня или скажет что-нибудь резкое. Но она даже не отстранила меня. Только опустила голову и одними губами спросила:

— Зачем это?

От нахлынувшей радости у меня отнялся язык. Радость нарастала, поднималась, выходила из берегов. Наверное, ее хватило бы на целый мир, но я был единственным обладателем, и меня распирало. Я только боялся, чтобы не произошли какие-нибудь перемены: например, время повернет вспять, и получится так, что я не поцеловал Лизу.

И я поторопился уйти, чтобы все осталось прежнему. Я шел по улице сам не свой. Я скакал на одной ноге. А один раз даже прошел колесом. И тут мне встретился Феля. К тому времени он уже вытянулся, успел прослыть начитанным, эрудированным малым и все время давал почувствовать свое превосходство. Но в тот момент, когда я его встретил на улице, это не имело значения. Я бурно обрадовался ему.

Лицо у Фели вытянулось от удивления, а я положил ему на плечо руку и начал трясти его, забыв, что он может «умереть в любую минуту».

— Перестань меня трясти, — сердито сказал Феля, поправляя сползшие на кончик носа очки. — Что такое?

Веселые молоточки застучали у меня в висках. Я приблизился к Феле и посмотрел в его очки.

— Поклянись мне, что ты никому не скажешь, — произнес я таинственным голосом.

Феля тут же согласился принести клятву.

— Пожалуйста, — сказал он, — что у тебя за тайна?

Он оживился и скрестил на животе длинные пальцы.

— Клянись! — потребовал я.

— Пожалуйста! Клянусь!

Я сжал его локоть и тихо сказал:

— Понимаешь, Феля, я поцеловал ее.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Я решил, что Феля не понял меня, потому и стоит неподвижно и не трясет мою руку. Я сказал:

— Феля, я люблю Лизу, а Лиза любит меня. Мы любим друг друга.

Я произнес эти магнетические слова и посмотрел на Фелю. Да, он не кричал от радости потому, что был ошеломлен, решил я, и Феля показался мне самым прекрасным человеком на свете.

— Феля, — воскликнул я, — ты теперь мой лучший друг! И я тебя тоже люблю!

С этой минуты Феля был уже не просто Фелей, а неким сосудом, в котором хранилась моя бесценная тайна.

Ах, как мне в этот день не доставало мудрого шмеля, который разоблачает фальшь и ставит свое беспощадное клеймо под голубыми глазами неприкосновенных подлецов! Если бы тогда из-под дужки Фелиных очков выглядывало шмелиное клеймо — красно-сизо-фиолетовая дуля, — я бы промолчал. Я нашел бы для своей тайны другой сосуд. Более надежный.

На другой день Лиза молча прошла мимо меня.

— Лиза, здравствуй! Лиза...

Она ускорила шаги. Моя радость стала быстро уменьшаться. Она как-то сморщилась и поникла.

Я догнал Лизу. Взял ее за руку.

Она вырвала свою руку из моей и чужим голосом сказала:

— Я не знала, что ты такой жалкий хвостун. Я верила тебе, а ты оказался дрянью.

— Лиза, что ты говоришь?!

— Я знаю, что я говорю. Я очень жалею... Нашел, кому похвастаться — Фельке.

Свет померк. Мир перевернулся. Я решил убить Фелю.

Я забыл, что он болезненный, освобожденный от физкультуры. Я подстерег его в коридоре, схватил за грудки и прижал к стене. Две серые рыбки метались в круглых аквариумах. Они ускользали от моего взгляда.

Он заговорил первым:

— Что ты от меня хочешь? Я сказал правду.

Его слова оглушили меня.

— Как правду?

— А разве нет? Я только повторил твои слова. Ты хочешь, чтоб я лгал?

Я держал Фелю изо всех сил, даже разорвал на нем рубашку, но он ускользал от меня.

— Ты же дал клятву хранить все в тайне! — отчаянно крикнул я и почувствовал, как мои руки разжимаются, не могут удержать Фелю.

— Так ведь для нее это не было тайной.

Он выскользнул у меня из рук. Он был ангельски чист, а я стоял оплеванный, вывалянный в грязи. Я был обезоружен и парализован. Ничего не мог с ним сделать. Опасливо посмотрел на Фелю и зашагал прочь.

Как мало люди задумываются над пользой шмелей! Не обращают на них внимания или отмахиваются от них, как от ос. А шмели очень нужны людям, чтоб предупреждать их об опасности. Много лет спустя я снова встретил Фелю. Судьба свела меня с ним в коридоре, в котором ходят умные, серьезные люди. Феля изменился. Куда исчезло его болезненное лицо с синими кругами под глазами. Он стал гладким, лоснящимся, впадины щек заполнились жирком. Плечи,

на которых все раньше висело, округлились, стали удобными для рубаш и пиджаков. А вздутый животик, как бы подкачанный велосипедным насосом, придавал его фигуре определенную устойчивость. И называли его не Фелей, а Феликсом.

Он стоял ко мне в профиль, и я видел только один его глаз. Серая скользкая рыбка плавала в круглом аквариуме. Подстриженная наискосок светлая демократическая прядка спадала на лоб, и Феля неторопливым артистическим движением водворял ее на место. Я хотел пройти мимо, но он заметил меня, протянул руку, повернулся ко мне, и я с великой радостью увидел, что его второй глаз заплыл и вокруг сверкала этакая великолепная радужная дуля.

— Где же это ты так? — спросил я Фелю и почувствовал, что начинаю смеяться.

— Да понимаешь ли... я был за городом, в гостях, и мне... меня укусила шмель, — сбивчиво ответил Феля и тоже засмеялся.

Его смех был похож на покашливание.

«Эге! Еще не перевелись смелые шмели, — подумал я, — видно, нашелся шмель и на моего Фелю!»

Я не должен был смеяться, но ничего не мог с собой поделать и чувствовал боль в уголках рта, которые рвались к ушам от смеха.

— Смешно, правда? — кисло спросил Феликс.

— Не то слово, — отозвался я с жаром. — Ты не представляешь себе, как это прекрасно. Какие великолепные цвета, какие тонкие переходы! Мастерская работа.

Феля перестал улыбаться. Лицо его вытянулось.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Да, право, ничего. Это, видно, был отличный шмель. Ты убил его?

— Какое это имеет значение?

Я понял, что Феля не убил его, и сказал:

— Я знаю одного шмеля. Он живет у меня в сарае. В двери. Вход через замочную скважину...

Феля покраснел так, что его яркая дуля померкла, дернул плечом и пошел прочь. А я все еще продолжал улыбаться широко и счастливо.

— Что это вы, милый, сияете? — спросила меня старушка в синем халате. — Автомобиль выиграли?

— Нет, — ответил я, — берите выше. Я выиграл сражение.

Старушка испуганно посмотрела на меня и зашаркала туфлями по коридору.

Вечером я подкрался к сараю, чтобы не потревожить своих крылатых жильцов. Приложил ухо к двери и стал слушать. Оттуда доносился нескончаемый радостный гул. Он был похож на оживленный разговор. Мой знакомый шмель рассказывал своим друзьям, как ловко он всадил жало Феле в глаз. Остальные шмели обсуждали его поступок и говорили ему много приятных слов, состоящих из одной протяжной шершавой буквы — «жжж-жжж-жжж».

ВСАДНИК, СКАЧУЩИЙ НАД ГОРОДОМ

Завтра об этом случае заговорит весь город, а сегодня о нем знают лишь несколько любопытных прохожих, пожарные добровольной дружины и четвертое отделение милиции. Но даже им неизвестно, ради чего Киру решился на такой отчаянный поступок.

Поздней осенью город похож на корабль, выходящий в открытое море. Сырой туман обволакивает дома.

Мостовая мокрая, как палуба, по которой только что прокатился соленый морской вал. Провода ноют как снасти. И Киру кажется, что город даже слегка покачивает.

Киру поднимает голову. Он видит, как обрывки серых облаков быстро проносятся над самыми кры-

шами. А может быть, они как раз и неподвижны, а это город торопливо плывет в открытое море?

Киру смотрит на шпили — чем не мачты! — на антенны, на трубы и на флюгера.

В городе много флюгеров. В былые времена город моряков часто обращал взор к железным помощникам — флюгерам: они первыми приносили весть о попутном ветре. Теперь на флюгера никто не обращает внимания. Но их не предупредили, что они больше не нужны людям, и флюгера продолжают нести свою трудную службу. Там, высоко над городом, между небом и землей, скрипя ржавыми петлями, они тяжело поворачиваются на своих штырях. Как живые существа, они разговаривают с ветром и дождем, а первые снежинки, прежде чем опуститься на землю, тихо шуршат рядом с ними.

Случается, что у одного из городских флюгеров так крепко заклинит ржавые петли, что он уже не может пошевелинуться. Флюгер погибает, как боец на посту. Люди же не замечают смерти старого флюгера. Стоит на крыше — и ладно.

Киру и его друзья идут по городу и рассматривают флюгера. И кто-то кричит:

— Смотрите, рыба из моря на крышу прыгнула! Все задирают головы. Все смотрят на рыбу.

— Подумаешь, рыба! А ты видел флюгер-русалку?

— А я знаю трех петухов!

— Петухи — ерунда!

— Петухи приносят счастье!

— Ничего подобного! Они берегут дом от пожара!

— Бабушкины сказки!

Киру идет молча. Он не принимает участия в этом беспорядочном споре. С некоторых пор он стал молчаливым. Особенно если рядом Айна.

Ему кажется, что Айна появилась совсем недавно.

Приехала издалека и пришла в класс как новенькая. На самом деле Айна ниоткуда не приезжала, а училась с Киру в одном классе уже пять лет. С третьего класса. Может быть, «старую» Айну подменили?

В «новой» Айне его интересует все. Он знает, что Айна худенькая, стройная, как тростинка. И что волосы у нее не золотые и не желтые — соломенные. И хотя глаза у девочки так глубоко посажены, что сразу не определишь их цвет, Киру знает: они зеленые. Осенью Айна носит серое пальто с черными черточками. А шапка на ней красная.

Сейчас Айна идет со всеми неподалеку от Киру и внимательно следит за спором о флюгерах. И ее вздернутый носик сам, как флюгер, поворачивается от одного спорщика к другому. Она ждет, когда ребята все выговорят, и только тогда вступает в разговор:

— А я знаю дом, на котором флюгер не петух, не рыба, не стрела, — говорит Айна, посматривая, какое впечатление произведет ее рассказ на ребят. — Это какое-то странное существо. Он очень высоко, поэтому не разберешь.

— Где этот дом?

— Показать?

— Покажи.

И вся компания сворачивает за Айной в переулок.

Киру тоже сворачивает в переулок. Он вообще ходит за Айной как тень. А она, как на тень, не обращает на него внимания. Потому что Киру никто не подменил и он для Айны все тот же, что был пять лет назад.

Обычно, когда Айна возвращается домой, Киру идет за ней. Его от Айны отделяют каких-нибудь десять шагов. Но эти десять шагов стоят десяти километров. Десять километров прошел бы запросто, а этот десяток шагов никак не может преодолеть.

Он идет по улице, никого не замечая. Он видит только серое пальто с черными черточками и красную шапочку.

Айна знает, что Киру идет за ней. Ее это злит. Что за глупый парень! Если бы он шел рядом, можно было бы с ним поболтать. А так получается, что он выслеживает ее. Айна неожиданно останавливается и резко поворачивается. Тогда Киру, застигнутый врасплох, тоже останавливается и опускает глаза. Он смотрит себе под ноги. А когда снова поднимает глаза, Айна уже далеко. Иногда она совсем убегает. И Киру остается один.

Сейчас кругом ребята, и Киру чувствует себя уверенней. Его робость перед Айной не так заметна. Правда, ему все время кажется, что Айна относится ко всем лучше, чем к нему, хотя только он один готов сделать для Айны что угодно.

— Далеко еще? — спрашивает кто-то из ребят Айну.

— А ты уже устал? — откликается девочка. — Свернем за угол, а там рядом.

Киру никогда бы не спросил Айну: «Далеко или нет?» Он может идти за ней хоть на край света. И он немножко завидует друзьям, которые могут тянуть Айну за руку, спорить с ней и задавать ей вопросы.

Когда ребята подошли к дому с загадочным флюгером, повалил снег. Не белый морозный снег, а серый, вперемешку с дождем. Ребята подняли воротники. Айна поглубже натянула красную шапочку: только нос выглядывает. Киру поежился, но воротник поднимать не стал. Он решил, что с опущенным воротником у него более мужественный вид. Но о каком мужественном виде могла идти речь, если Киру худой и узкоплечий. Подбородок у него заострен, а нос ма-

ленький и ровный. Брови и ресницы такие белесые, будто их подпалили и мальчик остался совсем безбровым. Руки у Киру белые, без мозолей. А на носу у него очки.

— Вот таинственный флюгер, — сказала Айна, — смотрите.

Вся компания задрала головы. Ребята увидели высокую черепичную крышу. Черепица похожа на красные перышки, а вся крыша — на большое алое крыло. На самом краю конька возвышался штырь. На нем был флюгер. Даже с земли видно, что этот флюгер не чета своим собратьям. В его формах было что-то стремительное и непонятное. Что хотел изобразить древний флюгерных дел мастер?

— Да это петух! — воскликнул кто-то из друзей Киру.

Одного слова было достаточно, чтобы вспыхнул спор.

— Петух? Ты, наверно, никогда петухов не видел? Хорош петух без хвоста!

— Откуда ты взял, что без хвоста? Надо быть слепым, чтобы не видеть хвост!

— Киру, ты в очках, ты должен видеть лучше всех. Скажи, есть хвост или нету?

Краска ударила в лицо Киру. Ему показалось, что, упоминая об очках, товарищ хотел уронить его в глазах Айны. Он покосился на Айну, ожидая прочесть в ее глазах насмешку. Но Айна даже не повернулась в его сторону. Она рассматривала флюгер.

Тогда Киру успокоился и стал тоже рассматривать железное существо, которое взмыло над городом и завело дружбу с ветром. Киру прищурил глаза. Он напрягал их. Есть у флюгера хвост или нет? Ребята ждали ответа. Но что мог им сказать Киру? Мокрые снежинки падали на очки, и стекла становились

мутными. Сквозь них ничего невозможно было разглядеть на земле, не то что в небе.

— Ничего не вижу, — признался Киру.

— Эх ты, «не вижу»! — передразнила его Айна и уничтожающим взглядом смерила мальчика.

Киру стало стыдно, что он не видит хвоста. В эту минуту он ненавидел самого себя. Ни на что он не годен. И правильно делает Айна, что презирает его. Он был жесток к себе.

Не говоря ни слова, Киру повернулся и побрел куда глаза глядят.

Долго ходил он по городу, одинокий, потерянный. Холодный влажный ветер пронизывал его, а снежинки норовили непременно попасть за шиворот.

Киру поднял воротник. Теперь ему уже было все равно.

Наконец он снова попал на улицу, по которой шел за Айной. Он остановился перед домом с таинственным флюгером. Ребят уже не было. Неизвестно, чем кончился их спор. Так или иначе, они давно разошлись по домам. Киру потоптался на месте. Он задрал голову и мучительно стал вглядываться в мутную высь. Он протирает стекла очков, закрывал глаза и снова открывал их. Вот если б завтра, придя в школу, он смог бы рассказать Айне о странном флюгере! Какой-то горячий огонек вспыхнул в мальчике. Он разгорался все сильнее, наполняя сердце решимостью. Невозможное стало казаться вполне осуществимым. Еще полностью не отдавая себе отчета, что он собирается делать, Киру медленно направился к подъезду дома с таинственным флюгером.

На лестнице стоял полумрак: лампочки еще не зажгли, а хмурый день давал мало света. Киру стал подниматься. Он шел мимо квартир с кнопками звонков, с ящиками для писем и газет, с почти невидимы-

ми номерками. Он спешил, словно боялся, что огонек,двигающий сейчас его поступками, может погаснуть.

Дверь на чердак оказалась открытой. Киру подошел к слуховому окну и выглянул наружу. Ветер дохнул ему в лицо холодной сыростью. Снежинка зацепилась за его ресницу и тут же растаяла. Мальчик смотрел в окно и видел одни крыши. Они расходились во все стороны, как тяжелые застывшие волны, и вдалеке сливались с мутным морским небом.

Киру увидел сразу десятки флюгеров. Как стрелки компаса, они смотрели в одну сторону. Киру почудилось, что все флюгера города нацелили свои клювы и стрелы на него и ждут, что он будет делать дальше.

Мальчик высунулся до пояса и посмотрел на крышу. Крупные дольки черепицы уже не были похожи на легкие перышки. Тяжелые, горбатые, кое-где пробитые градом, они напоминали панцирь окаменевшего чудовища. А флюгера не было видно. Он был скрыт за высокими трубами.

На мгновение Киру охватила робость. Но свистящий упругий ветер, казалось, донес до него голос холодной, равнодушной Айны. Этот голос шепнул: «Иди!» И страх еще ниже упасть в глазах Айны оказался сильнее страха упасть с высокой скользкой крыши.

Киру вылез из тесного слухового окна и, цепко хватаясь за выступы, стал карабкаться по крыше. Холодная черепица обжигала руки. Ноги скользили. Но Киру медленно продвигался вперед. Он не оглядывался, старался не думать о высоте. По крутой каменной горе он лез к перевалу — к коньку крыши. Он не думал о том, каким будет его обратный путь. Он смотрел вперед.

Так Киру добрался до цели.

Вот он, таинственный флюгер, которого никто не мог разглядеть с земли. Никакой это не петух! Это конь и всадник. С земли флюгер казался маленьким и летучим. Вблизи он был большим и грузным. От времени он покрылся шершавой ржавчиной, а дым измазал его жирной сажей. Дул сильный ветер, и конь с пронзительным скрипом шарахался то влево, то вправо. Может быть, он хотел сбросить своего седока, а может быть, ему хотелось прыгнуть со штыря и растоптать тяжелыми копытами дерзкого мальчишку.

Киру сидел верхом на гребне крыши и внимательно следил за конем и всадником. В это время ветер ударил с новой силой. Конь мелко задрожал. Киру подумал, что сейчас конь сделает отчаянный прыжок и помчится со своим всадником по черепичным крышам города. Вот здорово!

Ветер ревел все сильнее. Низкие облака мчались над самой головой. Но Киру не было страшно. Его сердце пело. Все старые флюгера сорвались со своих насестов и летали над городом. Плыли рыбы, били крыльями петухи, на ветру спутались волосы русалки. Они спешили в сторону моря. И железный конь скакал туда же. И Киру почувствовал себя всадником, скачущим над городом вместе с взбунтовавшимися флюгерами. Он спешил вдаль, чтобы совершить подвиг во имя Айны.

Ветер раскачивал черный штырь флюгера. Все вокруг гудело, скрипело, гнулось. Ветер мешал дышать, и Киру отвернулся, чтобы набрать воздуха, и взгляд его упал на крышу. Он заметил, что дольки черепицы стали блестящими, покрылись прозрачным леденцом. Мальчик попробовал опереться ногой на выступ — нога соскользнула. Он еле удержал равновесие. Тогда, вместо того чтобы возвращаться к слуховому

окну, мальчик еще ближе подвинулся к железному коню и обхватил штырь руками. Он прижался к нему, и от этого скрип петель стал еще громче и пронзительней. Будто вместе с всадником и конем суставы Киру при каждом движении издавали скрип.

Киру закрыл глаза и стал ждать. Руки его кочене-ли, а тело на ледяном ветру утрачивало гибкость.

Постовой милиционер поднял голову и увидел маленькую фигурку на высокой черепичной крыше. Может быть, это монтер исправляет антенну? Постовой сделал еще несколько шагов и снова посмотрел вверх. Фигура сидела неподвижно. Она лепилась у самого края конька крыши. Дальше шел обрыв.

Постовой перешел на другую сторону и стал внимательно следить за фигуркой. Она была неподвижна. Как этот человек забрался туда в такой гололед? И почему он не шевелится? И как он оттуда слезет?

Некоторое время милиционер раздумывал, что ему предпринять. Потом он торопливыми шагами направился к телефону.

Пожарная машина прибыла через пять минут. Она промчалась по городу, тревожная, ревущая, красная, будто охваченная пламенем. Автомобили уступали ей дорогу, а люди провожали ее тревожными глазами и думали: «Где-то горит...» Они не знали, что пожарная машина спешила не в бой с огнем, а по другому, необычному делу.

Возле дома с флюгером машина резко затормозила. С подножки соскочил лейтенант, а к нему уже спешил постовой.

— Ну где ваш альпинист? — спросил лейтенант.

Он был недоволен, что его дружину потревожили по такому непожарному делу.

— Вон у флюгера, — сказал постовой и кивнул в сторону крыши.

Лейтенант ничего не сказал милиционеру, а стал быстро отдавать свои, понятные одним пожарным, распоряжения. Заработал мотор, и пожарная лестница стала медленно подниматься. Она была похожа на ствол огромной пушки перед выстрелом. Встав почти на дыбы, лестница стала вытягиваться. Она росла все выше и выше. Не останови ее, и она дотянется хоть до Луны. Но когда ее край коснулся крыши, лестница перестала расти. Тогда по ней стал ловко взбираться молодой парень в брезентовой одежде и зеленой каске. Наконец он достиг края крыши.

Он увидел мальчика, обнявшего штырь флюгера. Большой флюгер мотало во все стороны. Вероятно, флюгер разделял тревогу тех, кто снизу следил за маленькой фигуркой мальчика на гребне крыши.

Пожарный тихонько позвал:

— Эй, парень!

Киру открыл глаза. Заметив человека, появившегося со стены дома, он заморгал глазами.

— Как вы сюда попали? — спросил Киру хриплым голосом.

— По лестнице, — сказал пожарный. — А вот как ты сюда вскарабкался? — в свою очередь, спросил он. И добавил: — Не пойму, как ты не свалился. Ведь вся крыша обледенела.

Киру молчал. Он еще как следует не пришел в себя.

Пожарный сказал сочувственно:

— Нагорит тебе, наверное!.. Пошли.

Киру задвигал руками, завертел шеей. Он хотел убедиться в том, что еще не совсем окаменел. Пожарный сильной рукой обхватил мальчика, но тот запротестовал:

— Я сам.

— Ладно, — сказал пожарный. — Я полезу пер-

вый, буду тебя подстраховывать. А ты крепче держись и, главное, не смотри вниз.

И они начали сползать с крыши на первую перекладину лестницы: сперва пожарный, потом Киру. Когда мальчик ухватился за лестницу, он задержался. Еще раз посмотрел на коня и всадника — на двух безмолвных виновников происшествия.

Внизу собралась толпа. Большинство прохожих интересовало, что происходит на крыше большого дома. А лейтенант пожарных стоял в стороне и молчал. Ему было неловко, что его боевая красная машина с лестницей не борется с пожаром, а снимает с крыши какого-то чудака.

Когда Киру очутился на земле, он почувствовал себя совсем хорошо. Самое трудное было позади. Он поблагодарил пожарного, который помог ему спуститься с крыши, и собрался было уходить, но постовой сказал ему:

— Придется проехаться в отделение. Дашь там объяснение, товарищ верхолаз.

Киру удивленно посмотрел на него: ведь он не сделал ничего плохого.

Но постовой неумолимо сказал:

— Пройдемте!

Он пригласил Киру в пожарную машину

На другой день по пути в школу Киру встретил Айну. Обычно в таких случаях Киру замедлял шаги и безмолвно шел на почтительном расстоянии. Но после того как он карабкался по ледяной крыше, мчался по городу на пожарной машине и имел неприятный разговор в четвертом отделении милиции, ему уже ничего не было страшно.

Он подошел к ней и сказал:

— Айна, я видел флюгер. Это не петух и не рыба. Это всадник, скачущий над городом.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Айна.

— Я... я был там.

— На крыше?

— Ну да, на крыше.

Киру ответил так спокойно, будто для него ничего не стоило залезть на крышу. Девчонка недоверчиво посмотрела на него.

— Врешь! — сказала она.

— Нет, не вру! — отрубил Киру и сам удивился, что может так смело разговаривать с Айной. — А не веришь, — продолжал он, — не надо!.. Только я специально для тебя лазил.

И тогда холодная Айна улыбнулась. Она впервые посмотрела на Киру как на равного. Она не могла смотреть свысока на человека, который побывал на такой головокружительной высоте, на какую не поднимался еще ни один знакомый мальчишка.

Киру почувствовал, как что-то звонкое и горячее забилося у него в груди. Он подошел ближе к Айне и сказал:

— Хочешь, я облазаю все флюгера и расскажу тебе, какие они вблизи?

— Не надо, не надо! — испуганно сказала Айна. — Еще свалишься.

Киру было приятно, что Айне не безразлично, свалится он с крыши или нет.

Девочка неотрывно смотрела на Киру. Старый школьный товарищ вырос в ее глазах, и ей показалось, будто его подменили. И перед ней стоит совсем другой Киру. Новый, приехавший откуда-то издалека.

Они шли рядом. И упругий ветер с моря дул им в спину, словно поторапливал их. А высоко на крышах несли свою трудную службу флюгера: летели железные петухи, плыли рыбы, и всадник на коне скакал над городом.

ДОСТАВАЛА СЛАДОСТЕЙ

Он умел ходить на руках и поэтому пользовался всеобщим уважением. Все мальчишки нашего двора втайне завидовали ему, но никто не осмеливался плохо отозваться о нем или посмеяться. Потому что он обладал еще одним удивительным свойством — он был доставалой сладостей.

Почему я вспомнила о нем сегодня, с трудом поднявшись на третий этаж, не в силах преодолеть затянувшуюся одышку? Я упала на диван и долго лежала, глотая воздух сухим ртом. Я чувствовала себя беззащитной перед своей болезнью и в поисках поддержки наткнулась в памяти на доставалу сладостей. Он сразу завладел моими мыслями, и я поймала себя на том, что лежу одна и улыбаюсь. Чему я улыбаюсь? Ах да, он был доставалой сладостей, но сам

никогда не ел ни конфет, ни варенья. У него от сладкого обволакивало веки липкими ободками. Глаза превращались в щелочки. Он очень мучился... Но при этом у него была удивительная способность доставать сладости для других.

Помню, во дворе раздался страшный грохот. Это он катил по булыжникам бочку из-под яблочного повидла. Бочка была пустая, но внутри на стенках оставалось еще много добра. Мы окружили бочку и заглядывали в нее, как в колодезь.

— Годится?

Доставала сладостей обвел всех торжествующим взглядом.

— Годится! — ответили мы.

— Тогда лопайте!

И сразу десяток рук опустились в бочку. Повидло было прокисшим, но это никого не останавливало — ели за милую душу. Ели пальцами, стараясь как можно глубже запустить руку, чтобы достать до дна: там было больше остатков. Иногда попадались яблочные косточки. Наш друг тоже заглядывал в бочку. Но не ел. Только вдыхал в себя аппетитный кислый аромат и исподлобья поглядывал на нас. А мы и не замечали, что он не ест...

Ну и наелись же мы тогда повидла! Целый день потом пили. А в другой раз он собрал нас у старого тополя:

— Постный сахар годится?

— Годится! — естественно, отвечали мы.

— Тогда надо наносить дров в четвертую квартиру.

— Годится!

Мы отправились носить дрова. Что нам стоило! Мы были готовы перенести в четвертую квартиру все дрова из всех сараев.

Еще он умел ходить колесом. Но колесом ходили

и другие, а на руках только он — доставала сладостей. Время было тяжелое, послевоенное. Мы ничего хорошего не видели. Он выручал нас. Сам в рот не брал сладкого, но когда перепадало другим — радовался. Мы ничего не понимали, считали его чудачком. Подумаешь, болезнь! Мы говорили:

— Ешь, чудака-человек!

Он мотал головой и снова отправлялся на поиски месторождений сладкого. У него была способность находить то, что ищет.

— Ребята, у Пузыря в кармане кулек с леденцами. Годится?

— Годится! Но Пузырь не даст!

— Мы потрясем Пузыря. Он на лестнице ест втихомолку. Пошли!

Мы отправились на лестницу трясти Пузыря. И снова у каждого из нас сладко оттопыривалась щека.

В те дни у меня появилась одышка. Врачи определили порок сердца. Велели лечь.

Он пришел ко мне и спросил:

— Где у тебя болит? Покажи!

Я показала.

Он ткнул себе пальцем в грудь:

— Что там болит?

— Сердце.

Он снова ткнул себя пальцем и прислушался, словно хотел почувствовать мою боль у себя. Я с любопытством смотрела на него.

— У меня там ничего не болит, — разочарованно сказал он. — Может быть, у меня нет сердца?

— Есть! Сердце у всех есть. Даже у Пузыря.

— А какое сердце, знаешь?

— Знаю! Как червонный туз.

Он понимающе кивнул головой:

— Красивое сердечко.

— У меня оно некрасивое, — вздохнула я.

— Почему у тебя некрасивое?

— Потому что болит.

Он сочувственно посмотрел на меня и спросил:

— Хочешь конфет?

— Ничего я не хочу.

Его лицо вытянулось, стало серьезным.

— Раз не хочешь — значит тебе действительно плохо. Но я тебя вылечу!

— Дурачок, — сказала я.

Он не обиделся. Мы вообще тогда не обижались на слово. Он сказал:

— Вылечу! Я достану тебе такое лекарство, которое вылечивает даже раненых. Ты еще захочешь конфет. Я наношу дров в четвертую квартиру и принесу тебе соевых батончиков. Три штуки. А может быть, пять.

Несколько дней он пропадал, и я решила, что доставала сладостей забыл о своем обещании. Нет! Оказывается, он бегал по городу в поисках лекарства. Был уверен, что от каждой болезни существует лекарство и нет на свете неизлечимых болезней, хотя сам никак не мог вылечиться. Не ел сладкого, а глаза у него всегда были воспалены, болели. Но это не останавливало его. Он обошел ради меня все аптеки, и везде ему говорили одно и то же: «Нет лекарства от порока сердца». Он не верил. Искал. Это оказалось потруднее, чем прикатить бочку из-под яблочного повидла или потрясти скупого Пузыря.

Мой дружок терпел неудачи, но не сдавался. Он говорил мне:

— Жди! Я что-нибудь придумаю. У тебя будет здоровое сердце, красивое, как червонный туз.

Я верила в его могущество, потому что человек,

который в трудное время доставал для товарищей сладости, мог достать что угодно — даже лекарство от порока сердца.

Болезнь то отпускала меня, то неожиданно подкрадывалась, и сердце громко стучало — подавало сигнал тревоги. Никто из ребят не слышал этот сигнал. А он слышал...

Шло время. Мы становились старше. Доставала сладостей больше не вспоминал о лекарстве. Но каждый раз, встречая меня, он говорил:

— Жди! Я что-нибудь придумаю.

И мне казалось, что все время он только и думает, как исцелить меня.

И однажды он пришел. Я не узнала своего друга: его лицо стало серым, а под глазами появились голубые, словно нарисованные кисточкой ободки. Он дышал тяжело, как при пороке сердца. Я сразу заметила эту перемену и спросила:

— Что с тобой?

— Ты будешь здорова, — был ответ. — Тебя вылечат. Я дал им за это кровь.

— Какую кровь?

— Обыкновенную. Свою.

Он закатал рукав, и я увидела на сгибе руки бурое пятно йода.

— Что это? Рана?

Он усмехнулся:

— Отсюда брали кровь.

— Зачем?

— В больнице мне сказали: «Можешь выручить?» Я спросил: «Что для этого надо?» Они сказали: «Кровь можешь дать?» Я сказал: «Дам!» Я понял, что если я их выручу, они выручат меня, то есть тебя. — Тут он улыбнулся и доверительно сказал: — Я наврал им, что мне восемнадцать лет.

В тот день доставала сладостей был большим и сильным, самым лучшим из мальчишек. Я смотрела на него как на героя.

— Тебе было больно?

— Ничуть!

— Врешь! Тебе было больно!

Тогда, чтобы доказать, что ему было не больно, он решил пройтись на руках. Он умел ходить на руках, но на этот раз у него ничего не вышло: потерял равновесие и упал.

— Вот видишь! — прошептала я. — Из-за меня ты потерял здоровье!

Он ничего не ответил. Медленно поднялся с пола. И долго тер затылок.

— В больнице мне сказали, что я спас какую-то девочку. Почему же я не могу спасти тебя?

— Можешь! Спасешь! — убежденно сказала я. — Ты уже спас меня. У меня больше нет одышки.

Я безгранично верила в него, и в моей вере не было даже крохотной щелочки, в которую могло бы проникнуть сомнение.

Помню, на другой день я встала с постели.

Где теперь мой маленький друг? Может быть, он давно уже не существует — изменился или просто стал взрослым, а взрослые быстро утрачивают способность верить в невозможное?

Но в моей памяти он жив — могущественный и благородный доставала сладостей. И когда мне становится тяжело, я зову его, и он тут же оказывается рядом, чтобы спасти меня, когда бессильны врачи и лекарства.

ИГРА В КРАСАВИЦУ

В то время мы думали, что по Караванной улице, побрякивая колокольчиками, бредут пыльные усталые верблюды, на Итальянской улице живут черноволосые итальянцы, а на Поцелуевом мосту все целуются. Потом не стало ни караванов, ни итальянцев, да и сами улицы теперь называются иначе. Правда, Поцелуев мост остался Поцелуевым.

Наш двор был вымощен щербатым булыжником. Булыжник лежал неровно, образуя бугры и впадины. Когда шли затяжные дожди, впадины заливала вода, а бугры возвышались каменными островами. Чтобы не замочить ботинок, мы прыгали с острова на остров. Но домой все равно приходили с мокрыми ногами.

Весной наш двор пах горьковатой тополиной смолой, осенью — яблоками. Яблочный дух шел из под-

валов, где было овощехранилище. Мы любили свой двор. В нем никогда не было скучно. К тому же мы знали множество игр. Мы играли в лапту, в прятки, в штандр, в чижику, в ножички, в испорченный телефон. Эти игры оставили нам в наследство старшие ребята. Но были у нас игры и собственного изобретения. Например, игра в красавицу.

Неизвестно, кто придумал эту игру, но она всем пришлась по вкусу. И когда наша честная компания собиралась под старым тополем, кто-нибудь обязательно предлагал:

— Сыграем в красавицу?

Все становились в круг, и слова считалочки начинали перебегать с одного на другого:

— Эна, бена, рес...

Эти слова из какого-то таинственного языка были для нас привычными:

— Квинтер, контер, жес.

Мы почему-то любили, когда водила Нинка из седьмой квартиры, и старались, чтобы считалочка кончалась на ней. Она опускала глаза и разглаживала руками платье. Она заранее знала, что ей придется выходить на круг и быть красавицей.

Теперь мы вспоминаем, что Нинка из седьмой квартиры была на редкость некрасивой: у нее был широкий приплюснутый нос и большие грубые губы, вокруг которых хлебными крошками рассыпались веснушки. Лоб тоже в хлебных крошках. Прямые жидкие волосы. Но мы этого не замечали. Мы пребывали в том справедливом неведении, когда красивым считался хороший человек, а некрасивым — дрянной.

Нина из седьмой квартиры была стоящей девчонкой — мы выбирали красавицей ее.

Когда она выходила на середину круга, по прави-

лам игры мы начинали «любоваться» — каждый из нас пускал в ход вычитанные в книгах слова.

— У нее лебединая шея, — говорил один.

— Не лебединая, а лебяжья, — поправлял другой и подхватывал: — У нее коралловые губы...

— У нее золотые кудри.

— Ее глаза синие, как... как...

— Вечно ты забываешь! Синие как море.

Нинка расцветала. Ее бледное лицо покрывалось теплым румянцем, она подбирала живот и кокетливо отставляла ногу в сторону. Наши слова превращались в зеркало, в котором Нинка видела себя настоящей красавицей.

— У нее атласная кожа.

— У нее соболиные брови.

— У нее зубы... зубы...

— Что зубы? Жемчужные зубы!

Нам самим начинало казаться, что у нее все лебяжье, коралловое, жемчужное. И красивее нашей Нинки нет.

Когда запас нашего красноречия иссякал, Нинка принималась что-нибудь рассказывать.

— Вчера я купалась в теплом море, — говорила Нинка, поеживаясь от холодного осеннего ветерка. — Поздно вечером в темноте море светилось. И я светила. Я была рыбой... Нет, не рыбой — русалкой.

Не рассказывать же красавице, как она чистила картошку, или зубрила формулы, или помогала матери стирать.

— Рядом со мной кувыркались дельфины. Они тоже светились.

Тут кто-нибудь не выдерживал:

— Не может быть!

Нинка протягивала ему руку:

— Понюхай, чем пахнет?

— Мылом.

Она качала головой:

— Морем! Лизни — рука соленая.

Стояли мутные влажные сумерки, и было непонятно, идет дождь или нет. Только на стекле возникали и лопались пузырьки. Но мы чувствовали близость несуществующего моря — теплого, светящегося, соленого.

Так мы играли.

Лил дождь — устраивались в подворотне. Темнело — толпились под фонарем. Даже самые крепкие морозы не могли нас выжить со двора.

...Как-то в наш дом переехали новые жильцы. И во дворе появился новенький. Он был рослый и слегка сутулился, словно хотел казаться ниже ростом. На щеке у него проступало крупное продолговатое родимое пятно. Он стеснялся этого пятна и поворачивался к нам другой щекой. У него был нос с горбинкой и большие, прямо-таки девичьи ресницы. Ресниц он тоже стеснялся.

Новенький держался в стороне. Мы его подозвали и предложили сыграть с нами в красавицу. Он не знал, в чем дело, и согласился. Мы переглянулись и выбрали красавицей... его. Едва заговорили про лебяжью шею и коралловые губы, как он густо покраснел и выбежал из круга.

Мы посмеялись и крикнули вдогонку:

— Сыграем и без тебя!

Но когда снова встали в круг, Нинка неожиданно попятилась:

— Я тоже не буду...

Мы взорвались:

— Что за новости? Почему ты не будешь?

— Так. — Нинка отошла от нас.

И сразу расхотелось играть. Мы заскучали. А Нинка приблизилась к новенькому и сказала:

— Когда играют в красавицу, всегда выбирают меня.

— Тебя? Почему тебя? — удивился новенький. — Разве ты красивая?

Мы не стали с ним спорить. Мы посмеялись над ним. А у Нинки вытянулось лицо, хлебные крошки у рта и на лбу стали еще заметнее.

— А меня выбирают.

— Очень глупо, — сказал новенький. — И вообще ваши детские игры меня не интересуют.

— Конечно, — Нинка почему-то сразу согласилась с ним.

С появлением новенького с ней вообще стало твориться что-то странное. Она, например, ходила за ним по улице. Шла тихо по другой стороне, чтоб никто не заметил, что она идет за ним. Но мы, конечно, заметили и решили, что Нинка спятила или во что-то играет. Например, в следопыта. Он заходил в булочную — она стояла напротив и не отрывала глаз от стеклянных дверей. Она и утром поджидала его у подъезда и шла за ним до школы.

Новенький не сразу сообразил, что Нинка из седьмой квартиры ходит за ним как тень. А когда обнаружил это, очень рассердился.

— Не смей ходить! — крикнул он Нинке.

Она ничего не ответила. Побледнела и пошла прочь. А он крикнул ей вдогонку:

— Ты бы лучше посмотрела на себя в зеркало!

Он приказал ей посмотреться в зеркало. Нас не интересовало, какие у нас носы, рты, подбородки, куда торчат волосы. И Нинка знала только то зеркало, которым были для нее мы, когда играли в красавицу. Она верила нам. Этот тип с родимым пятном

на щеке разбил наше зеркало. И вместо живого, веселого, доброго появилось холодное, гладкое, злое. Нинка в первый раз в жизни пристально взглянула в него — зеркало убило красавицу. Каждый раз, когда она подходила к зеркалу, что-то умирало в ней. Пропадали лебяжья шея, коралловые губы, глаза, синие как море.

Но мы тогда не понимали этого. Мы ломали себе голову: что это с ней? Мы не узнавали свою подружку. Она стала чужой и непонятной. Мы сторонились ее. Она и не стремилась к нам, молча проходила мимо. А когда ей встречался новенький с большим родимым пятном на щеке, она убегала прочь.

В нашем городе часто идут дожди. Могут лить круглые сутки. И все так привыкают к ним, что не обращают внимания. Взрослые ходят под зонтами. Ребята делают короткие перебежки от одной подворотни к другой, прыгают по булыжным островам.

В тот вечер был сильный дождь, дул сверлящий ветер. Говорили, что на окраинах города начиналось наводнение. Но мы крепились, жались в подворотне, не хотели расходиться по домам. А Нинка из седьмой квартиры стояла под окном новенького. Зачем ей понадобилось стоять под его окном? Может быть, она решила позлить его? Или сама с собой поспорила, что простоит под дождем, пока не сосчитает до тысячи? Или до двух тысяч. Она была в коротеньком пальто, из которого давно выросла, без косынки. Ее прямые волосы вымокли и прилипли к щекам, и от этого лицо втянулось. Глаза блестели, как две застывшие капли. Гремели водосточные трубы, дребезжали подоконники, трещали перепончатые купола зонтов. Она ничего не видела и не слышала. Не чувствовала холодных струй. Она стояла под окном, охваченная отчаянной решимостью.

Мы кричали ей из подворотни:

— Нинка! Иди к нам, Нинка!

Она не шла. Мы выбежали под дождь. Схватили ее за руки: не пропадать же человеку.

— Отойдите! — Она прямо-таки прикрикнула на нас.

Мы отошли. Повернулись спиной и стали смотреть на улицу. Люди спешили, подняв над головами зонты, словно на город спустился целый десант на угрюмых черных парашютах. Десант прохожих.

Потом мы увидели, как к Нинке подошла ее мать. Она долго уговаривала Нинку уйти. Наконец ей удалось увести девочку из-под дождя в подъезд. Там горела тусклая лампочка.

Нинкина мать повернула лицо к свету, и мы услышали, как она сказала:

— Посмотри на меня. Я, по-твоему, красивая?

Нина удивленно посмотрела на мать и, конечно, ничего не увидела. Разве мать может быть красивой или некрасивой?

— Не знаю, — созналась Нинка.

— Тебе пора бы знать, — жестко сказала Нинкина мать. — Я некрасивая. Просто дурная.

— Нет, нет! — вырвалось у Нинки.

Она прижалась к матери и заплакала. Мы так и не поняли, кого она жалела: мать или себя.

— И ничего страшного, — уже спокойно сказала Нинкина мать. — Счастье приходит не только к красивым. И некрасивые выходят замуж.

— Я не хочу замуж! — резко ответила Нинка, и мы были согласны с ней.

— Да, да, конечно, — как бы спохватилась мать. — Не обязательно замуж...

Потом они вышли на дождь и пошли по улице. Мы, не сговариваясь, двинулись за ними. Нет, не из

любопытства. Нам казалось, что мы можем понадобиться Нинке.

Неожиданно мы услышали, как Нинка спросила:

— У тебя был муж?

— Нет.

— Но у меня был отец?

Мать не ответила. Она как бы не расслышала вопроса. Нинка рассердилась и сказала довольно грубо:

— Что ж, меня аист принес?

— Да, аист, — глухо прошептала мать. — Прилетел, понимаешь, аист. И улетел. А ты осталась.

Они шли по темному переулку, и у них не было зонта. Но им было все равно: дождь так дождь. А нас трясло от холодной сырости.

— Значит, мой отец аист? — произнесла Нинка и тихо засмеялась. — Очень хорошо. Когда я стану учительницей, меня будут называть Нина Аистовна. И, может быть, у меня вырастут крылья... Вот если бы ты нашла меня в капусте, было бы куда скучнее.

— Не смейся, — сказала мать.

— Я не смеюсь. — Она и в самом деле уже не смеялась, но голос ее дрожал, дробился. — А где он... аист?

Мать отвернулась в сторону и вытерла со щеки бороздку дождя.

— Он тоже был некрасивый?

Нинка остановилась, крепко сжала мамину руку выше локтя и заглянула ей в лицо. Она смотрела на мать так, как будто произошла ошибка и рядом с ней оказалась чужая, незнакомая женщина. Девочка как бы увидела маму в холодном, безжалостном зеркале. Такой, как она есть. Какой видели ее мы — чужие ребята, жавшиеся к темной стене дома. Мы были так близко от них, что чувствовали запах мыла и ношенной одежды. И, не видя нас, Нинка из седьмой квар-

тиры как бы почувствовала наше присутствие и совершенно другим, спокойным голосом сказала:

— Мама, давай с тобой сыграем в красавицу.

— Глупости!

— Нет, нет, давай сыграем. Я тебя научу. Ты стой и слушай, что я буду говорить.

Она сильнее сжала мамину руку, приблизилась к ней и тихо, одними губами стала произносить знакомые слова из нашей игры, которые мы до приезда новых жильцов давали ей:

— Мама, у тебя лебяжья шея и большие глаза, синие как море. У тебя длинные золотистые волосы и коралловые губы....

Потоки дождя тянулись из невидимых туч. Под ногами разливались холодные моря. И все железо города гремело и грохотало. Но сквозь гудящий ветер, сквозь пронизывающий холод поздней осенней мглы живой теплой струйкой текли слова, заглушающие горе:

— У тебя атласная кожа... соболиные брови... жемчужные зубы...

И они зашагали дальше, крепко прижавшись друг к другу. И уже ни о чем не говорили. И были спокойны. Им помогла придуманная нами игра. Эна, бена, рес... А мы стояли у стены, держа друг друга за рукава. И провожали их взглядом, пока они не скрылись в темной мгле. Квинтер, контер, жес...

Нинка из седьмой квартиры погибла в 1942 году на фронте под Мгой. Она была санитаркой.

«ЖЕНИХ И НЕВЕСТА»

Димка глотнул побольше воздуха и побежал. И сразу тонкие стволы берез превратились в белые мелькающие спицы. Они вырастали перед глазами и, просвистев над головой, падали за спину. А Димке казалось, что он топчется на месте и огромное колесо с белыми спицами катится все быстрее и быстрее.

Неровная челка прилипла ко лбу. Губы пересохли. Сердце било в грудь. А белые спицы так быстро летели навстречу, что даже рябило в глазах.

Маршрут лагерной эстафеты проходил по лесу, пересекал поле и без моста перемахивал через реку. Две палочки — какая быстрее? — должны были совершить кругосветное путешествие и возвратиться в

лагерь, как некогда корабли Магеллана, опоясав землю, вернулись в родной порт.

На полпути Димке стало казаться, что если он замедлит бег, то белое колесо отнесет его обратно, а его соперник вырвется вперед.

Соперником была девчонка. Димка не видел ее, только очень близко слышал частое, прерывистое дыхание. Оно подгоняло Димку. Коленки, как выстреленные, взлетали вверх, а локти отталкивались от ветра.

И вдруг дыхание умолкло. Димка подумал, что его соперница отстала, и оглянулся. Девчонка лежала на земле. Она, видно, споткнулась о толстый корень и упала. Сначала Димка обрадовался и припустил сильнее, чтобы она не успела подняться и догнать его.

Когда он еще раз оглянулся, девчонка была уже на ногах и, на ходу потирая разбитую коленку, бежала за ним. Локоть тоже был ободран.

Димка замедлил бег. Он почему-то забыл, что девчонка из чужой команды, что она его соперница. Он дал ей догнать себя. И когда она поравнялась с ним, крикнул:

— Не торопись, я не буду тебя обгонять!

— Нет, обгоняй! — вспыхнула девчонка.

Димка опешил. Он хотел было прибавить ходу: не хочешь — не надо! — но продолжал бежать рядом. Он бежал, не глядя на девчонку с разбитой коленкой, а белые спицы мелькали все реже и реже, словно колесо собиралось остановиться. И чем дальше он бежал, тем больше ему нравилось, что она сказала «Нет, обгоняй!»

На повороте Димка украдкой посмотрел на свою соперницу и еще больше замедлил бег. Тогда девчонка крикнула ему через плечо:

— Не смей отставать! Ни на шаг не отставай, слышишь! Тебе говорят!

До рубежа уже оставалось немного. Неожиданно девчонка сказала:

— Меня зовут Ася. А тебя как?

— Дима.

В это время впереди закричали:

— Давай, давай!..

Они сразу отвернулись друг от друга и превратились в соперников. А навстречу им летели голоса:

— Ася, нажимай!..

— Димка, Димка, не отставай! Жми!..

Но никакая сила не могла заставить Димку обогнать Асю.

В полдень на окраине лагеря на высоком столбе горит лампочка. Ее забыли погасить, и никто не замечает, что она светится. Простой лампочке трудно соперничать с ослепительным июльским солнцем. Только ближе к ночи станет заметно, что она горит.

Димка стоит у столба и думает, как погасить бесполезно горящую лампочку. Отыскать выключатель или вскарабкаться на столб? И тут неожиданно появляется Ася.

Лампочка сразу погасла. Димка забыл о ней.

Ася босоногая. На ней узенькие сатиновые брючки и кофта-размахайка. А сама Ася загорелая, коричневая с головы до ног. Только зубы белые. И Димке кажется, что Ася приехала в лагерь с далекого заморского острова, где все люди коричневые и белозубые.

Ася смотрела на Димку, а руки держала за спиной. Потом, не говоря ни слова, она протянула Димке крепко сжатый коричневый кулачок. Что там? Попробуй угадай! Ася улыбнулась уголками глаз и разжала кулак. На ладошке лежало четыре землянич-

ны. Они придушились в кулаке, и ладошка стала розовой от земляничного сока.

Димка уставился на ягоды, не зная, что он должен делать. Ася нетерпеливо повела плечом:

— Ну бери. Бери же!

Димка неуверенно взял одну ягоду, самую маленькую. Ася протянула руку ближе:

— Бери все.

— Давай поровну, — возразил Димка. — Две тебе, две мне.

Ему было неловко есть одному первые появившиеся на свет земляничины.

— Нет, бери все!

И вдруг Ася шагнула к Димке и ладошкой запихнула ему ягоды в рот.

От неожиданности Димка чуть не подавился, а его губы и подбородок стали розовыми. Он чувствовал себя неловко и даже не распробовал вкуса ягод. Ася засмеялась.

— Вкусно? — спросила она.

— Вкусно, — поспешил ответить Димка, вытирая рот рукой.

— То-то! — сказала Ася и, повернувшись на пятках, побежала к зеленому сосняку.

Сам не зная почему, Димка побрел за ней. Он зашагал по белому песку, на котором, как рассыпанные тонкие гвозди, лежали сосновые иглы. На песке Асины босые ноги отпечатали четкие следы. И Димка наступил на них. Следы были маленькие, и он шел на носочках, чтобы не разрушить их. Ему казалось, что они мягкие и теплые не от песка и солнца, а от того, что их оставила Ася. Ася сидела на бугорке, обняв руками колени и положив на них голову. Она зажмурила глаза и подставила солнцу одну щеку.

Димка остановился перед Асей. Ему хотелось за-

говорить с ней, но он не знал, с чего начать. Он был уверен, что Ася не видит его, но она, не поднимая головы, неожиданно сказала:

— Садись. Ты заслоняешь солнце.

Димка послушно опустился на песок. Он сел не рядом, а чуть поодаль, там, где стоял.

— Что ты молчишь? — спросила Ася.

Он сказал невпопад:

— На столбе горит лампочка. Надо ее погасить.

— А зачем ее гасить? — отозвалась Ася.

Она открыла глаза и посмотрела на лампочку, которая горела над низкими сосенками, как маленькая бесцветная звезда.

— Звезды тоже горят днем, хотя их никто не замечает, — сказала Ася, не сводя глаз с лампочки.

Теперь Ася думала о лампочке, а Димка — о землянике. Они поменялись мыслями.

Всю жизнь Димка побаивался девчонок. Когда он был поменьше, то бил их из страха, что они первыми поколотят его. Он боялся их насмешливых глаз, их колких шуток, их умения делать все лучше, чем он. Но в Асе не было настырности и обстоятельности, которую Димка терпеть не мог в девчонках. Ася ничего не допытывалась и на лету меняла темы разговора.

— А у меня есть подружка, — неожиданно произнесла Ася. — Клавочка. И она мне вчера сказала: «Я хотела бы стать бабочкой и жить двадцать четыре часа!» Как ты думаешь, она дура?

— Дура, — охотно согласился Димка.

Но Ася покачала головой:

— Просто чудачка.

Она представила себе Клавочку в виде огромной капустницы лимонного цвета. Капустница-Клавочка махала крыльями и летала низко над лагерем. И поглядывала на часы: не пора ли умирать? Ася улыбу-

лась своим мыслям, а Димка подумал: «Чего она улыбается?» — и пожал плечами.

В это время кто-то совсем близко крикнул:

— Жених и невеста! Жених и невеста!

Димка вскочил на ноги. Глаза его болезненно сощурились, а кровь так горячо ударила в щеки, что они загорелись, как от ожога. Он почувствовал страшную неловкость и не мог взглянуть на Асю, словно в чем-то был виноват перед ней. Тогда Ася поднялась с земли и сама подошла к Димке. Она заглянула ему в лицо, будто ничего не произошло.

— У нас дома есть фотография, — сказала Ася. — Мама снята в белом платье до земли, а папа в вечернем костюме, застегнутом на все пуговицы. Оба стоят навтыжку и смотрят в одну точку. Папа — жених, мама — невеста. Ужасно смешно!

Ася попыталась представить себе Димку в черном костюме, застегнутом на все пуговицы, а себя — в белом платье. Она хотела улыбнуться, но из этого ничего не вышло.

У каждого отряда есть свой вожатый, свой воспитатель и своя самостоятельная жизнь. Ася и Димка были в разных отрядах и поэтому виделись редко.

После случая в сосняке они старались не оставаться одни. И если вели свои разговоры, то на виду у всех ребят. Что здесь такого особенного? Но в лагере заработал «испорченный телефон» — игра, в которой правда превращается в ложь. По невидимым проводам из уха в ухо пошли, пошли четыре слова: «Димка — Ася. Жених — невеста».

Стоило Асе и Димке очутиться вместе, как они начинали чувствовать на себе косые взгляды и до

них долетал насмешливый шепоток. Димка краснел и злился. Но это только подливало масла в огонь.

Злые языки дали себе полную волю. Впрочем, языки были не столько злые, сколько длинные и озорные. И у них был свой спортивный интерес подстеречь Димку и Асю и откуда-нибудь из-за угла крикнуть: «Жених и невеста! Жених и невеста!»

Однажды Клавочка отвела Асю в сторону:

— Можно встречаться, но зачем же на виду у всех?

Ася презрительно повела плечами:

— А нам нечего скрывать. Мы дружим. Чего здесь плохого?

— Плохого ничего нет, — сказала бабочка-капустница, — но все же...

Она поджала губы и упорхнула.

В тот же вечер с Асей говорила отрядная вожатая Майя. Она стригла ногти маленькими блестящими ножницами и, как бы между делом, спросила:

— Что это у тебя с Димой?

— Мы дружим, — обрубил Ася.

Веселая, невозмутимая Ася начала терять терпение. Майя испытующе посмотрела на Асю. Блестящие ножницы заработали быстрее.

— Надо дружить со всеми мальчиками.

— А если все мальчики не нравятся?

Ножницы остановились.

— Ах, вот что!.. Хорошая дружба! — Майя даже покраснела от возбуждения. — Значит, дружат только с теми, кто нравится?

— Конечно! Если человек не нравится, какой же он друг?

Ножницы похожи на блестящий птичий клюв. Клюв широко раскрылся от удивления и замер. Майя попала в затруднительное положение. Вероятно, в

глубине души она была согласна с Асей, но признать-ся в этом не решалась.

Ножницы-клюв медленно закрылись, обрезали дальнейший разговор.

А в это время на другом конце лагеря вожатый Большой Сережа и Димка шли, заложив руки за спину.

Сережа был человек огромного роста. На его широких плечах трещали все рубашки, и ни один воротничок не сходил с шеи. Поэтому он всегда ходил в майке. А так как ножища у него была дай бог и ботинки ему шили на заказ, то ходил Сережа босиком, не стаптывать же заказные ботинки. Он был кузнецом, а в лагерь попал по комсомольскому поручению.

Этот большерукий и большеногий парень долго не мог приступить к разговору с Димкой. Хорошо, что было темно и Димка не видел, как его вожатый краснел от неловкости. Наконец он выдал из себя:

— Слушай, что у тебя там произошло с этой... Асей?

— Ничего не произошло! — задиристо ответил Димка. И тут же перешел в наступление: — Что, мне поссориться с ней? Да?

— Ссориться не надо, — примирительно сказал Большой Сережа.

— А что надо? — кипел Димка.

— Что ты меня спрашиваешь! — не выдержал Сережа. — Если бы знал, сам бы тебе сказал... А ссориться не надо.

Вожатый начал отчаянно лохматить свои короткие волосы, будто они виноваты в том, что он попал в такое затруднительное положение. Он бы с радостью помог Димке, но сам был молодым и неопытным.

И вдруг он спросил:

— Слушай, а может быть, ты ее любишь?

Димка резко повернулся. Слово «любишь» обожгло его. Он не знал, что делать с этим словом: отшвырнуть от себя или взять под защиту.

— Мы дружим, — деревянным голосом ответил он и снова отвернулся.

Димка стал держаться особняком. Худой, взъерошенный, он огрызался на каждую шутку. Он все время ожидал подвоха, и ему чудилось, что ребята смотрят на него недобро и насмешливо.

Ася, напротив, держалась как ни в чем не бывало. Она бегала с подружками, отчаянная, босоногая. Ее кофточка-размахайка то появлялась, то исчезала. А Димка думал, что Ася в чем-то предала его, что она чуть ли не на стороне насмешников.

Кожаный мяч взлетает ввысь. Он летит высоко-высоко. Сейчас он выйдет из-под власти земли и превратится в новый маленький спутник. Десятки глаз провожают его. Но мяч останавливается — раздумал покидать землю — и начинает стремительно падать вниз.

Димка первый подбегает к неудавшемуся спутнику и ловко поддевает его стоптанным ботинком. Он бежит по краю большого поля, тоже стоптанного, как ботинок. Может быть, мяч привязан к его ноге невидимой ниткой: почему он не отскакивает дальше метра и никто не может отнять его у Димки? Димка бежит к воротам противника, а мяч послушно катится впереди.

Теперь их уже никто не остановит. Они — мальчик и мяч — вырвались вперед.

И вдруг кто-то крикнул:

— Эй, жених, пасуй мне! Давай сюда, жених!..

Димка останавливается. В десяти шагах от него бежит крижистый паренек в огромных футбольных бутсах. Это Сашка Лимонов. Димка останавливается и, забыв про мяч, бежит к Сашке.

— Жених, — кричит тот, — что ты отдаешь мяч?

В два прыжка очутился Димка рядом с Сашкой. Тот стоял, ничего не понимая, а Димка налетел на него, сбил с ног и, усевшись ему на плечи, изо всех сил стал дубасить его кулаками.

Он не слышал свистков судьи, не видел сбежавшихся ребят. Он бил Лимона за обиду, за свой стыд, за Асю. Будто один Лимон был во всем виноват.

Ребята оттащили Димку. Кто-то дал ему хорошего «леща». Димка никого не видел и не слышал. Он побрел прочь.

К вечеру весь лагерь знал о происшествии на футбольном поле.

— За что ты побил Лимонова? Отвечай!

Димка стоял перед линейкой и молчал.

— Что, у тебя язык отнялся?

Димка закусил губу, словно боялся проговориться. Его мучила обида. Ему казалось, что за спиной стоит целая шеренга недобрых людей, которые рады потешиться над ним.

— Ты будешь отвечать?

Старшая вожатая теряла терпение.

И вдруг за спиной раздался тоненький голосок:

— Он не виноват. Лимон дразнил его.

— Это еще что за новости?! — сказала старшая вожатая. — Тебе скажут слово, а ты в драку? Как он тебя дразнил?

Димка похолодел. Тонкий голосок сказал:

— Женихом его дразнят.

Голосок принадлежал пареньку из младшего отряда. Он звучал тихо, будто хотел подсказать Димке, но слышали все. Слово «жених» пришлось Димке как удар. Он сорвался с места и побежал. Он бежал, не глядя себе под ноги, и ему казалось, что все триста человек преследуют его.

— Вернись! — крикнула старшая вожатая.

Но Димка не слышал ее голоса.

Он добежал до окраины лагеря и остановился, чтобы перевести дух. Он очутился у лампочки, которая почему-то горела и днем. Это была самая обыкновенная лампочка в сто свечей. Но Димке почудилось, что она посылает во тьму сигналы: «Он здесь! Он здесь!» Димка поднял с земли камень и запустил им в лампочку. Он промахнулся; но задел провод. И лампочка закачалась. Тени забегали по траве. Они то вытягивались, то сжимались. Вся земля качалась. А звезд не было видно. Как эта жалкая земная лампочка сумела затмить их?

Димка отвернулся от столба и увидел Асю.

Неяркий свет лампочки освещал ее лицо. Теперь Ася не показалась Димке туземкой с далекого острова коричневокожих и белозубых. Она была простой девчонкой. В ее глазах светилась тревога, а рот был слегка приоткрыт.

— Ты зачем здесь? — спросил Димка.

Ася пропустила его вопрос мимо ушей.

— Что будем делать? — твердо спросила она.

— Это не твое... — начал было Димка, но запнулся.

Он поднял глаза на Асю и все понял. Значит, она на виду у всех ребят бросилась следом за ним. Не побоялась насмешек, не испугалась совета лагеря. И она не уговаривает его вернуться на линейку, а

спрашивает: «Что будем делать?» Димке стало не по себе. Он отвернулся и сказал:

— Я не вернусь в лагерь.

— И я, — отозвалась Ася.

Лампочка все еще качалась, и тени танцевали по траве. Но Димка уже не замечал этого.

— Ты не ходи. Зачем тебе идти? — примирительно сказал он.

— Пошли, — сказала Ася и, не дожидаясь его, направилась к лесу.

Она сказала так решительно, что получалось, будто она уводит его из лагеря, а он послушно идет за ней.

И Димке неожиданно стало легче.

Лесная дорога казалась бесконечным коридором, в котором погашен свет и того и гляди можно на что-нибудь наткнуться. Между ветвями деревьев горели звезды, которые, как известно, горят и днем. Просто они незаметны, как лампочка, которую забыли погасить с приходом солнца.

— Я боюсь змей, — сказала Ася.

— Ночью змеи спят, — отозвался Димка.

Через несколько шагов Ася сказала:

— Ты смелый.

Согласиться с Асей было бы хвастовством, а возразить ей значило бы расписаться в трусости. Димка сказал:

— Это я с тобой не трушу.

— Ты и без меня не трусишь.

— Ну да, в лесу-то?

И снова тихо.

Димка и Ася идут совсем близко. Ася касается его

плечом. Правда, Асино плечо пониже. Оно упирается в Димкину руку.

— А ты в какой школе учишься?

Это спрашивает Ася.

— В тридцать второй. А ты?

— В пятьдесят четвертой.

— Недалеко. Остановок пять, а может быть, четыре... А спортзал у вас хороший?

— Потолок низковат... А у вас мальчишки танцуют с девчонками?

— По праздникам.

Они все шли и шли. Им стало холодно, потому что одеты они легко. А лес все темнел. И теперь Ася и Димка уже не видели друг друга. Но Димка слышал Асины шаги, дыхание. И ее плечо упиралось ему в руку.

— Нам только ночь пережить, — сказал в темноте Димкин голос.

— А утром? — отозвался Асин голос.

— Найдем дорогу до станции и уедем. А может, тебе вернуться?

Асин голос как ни в чем не бывало сказал:

— У тебя спички есть?

— Нет!

— Жаль. А то бы костер разожгли... Давай сядем. Может быть, уснем.

— Давай, — согласился Димкин голос.

Они свернули с тропинки и стали отыскивать место посуше. Ночная прохлада и неустроенность отвлекли их от тревожных мыслей. Они уже не думали о том, что произошло на линейке. И не загадывали, что их ждет завтра. Им нужно было как-нибудь скоротать ночь в темном незнакомом лесу.

Ася сказала:

— Давай сядем спина к спине. Так будет теплей.

И они сели на кочку. И сразу обоим стало теплей. Они сидели спиной друг к другу, словно заняли круговую оборону от всех неприятелей. Им стало спокойно. Они боялись пошевелиться. Боялись произнести слово.

И они уснули.

Проснулись они от холода. В первое мгновение ни Ася, ни Димка не могли понять, где они находятся и что с ними происходит. Поеживаясь, потирая руками плечи, они поднялись с мягкой кочки, на которой сидя провели ночь. Холодная дрожь колотила Асю, и зубы ее легонько стучали. А Димка дышал в ладоши, словно на морозе.

Вокруг них миллионами живых, трепещущих огоньков сверкал утренний мир. Капельки росы блестели на острие сосновых иголок, на тонких проводах паутины, уходящих куда-то в глубь леса. Воспоминания вчерашнего дня все не решались подступить к ним.

Они смотрели друг на друга, и им казалось, что они знакомы целую вечность, с первого класса, а может, и раньше. И что вся их жизнь прошла вместе. От этого чувства они повеселели.

— Выспалась?

— Ага. Тебе не холодно?

— Прямо жарко.

— Слушай, давай умоемся? Вот так.

Ася присела на корточки, сгребла с травы капельки росы и провела мокрыми ладонями по лицу.

И тут она заметила в глазах Димки настороженность. Он тревожно смотрел в конец просеки. Ася поднялась и тоже посмотрела. В легкой предрассветной дымке она увидела бегущего человека. Человек

был большой и бежал он крупными прыжками. На нем белая майка, а ноги босые. Это был вожакий — Большой Сережа.

Ася посмотрела на Диму. Их глаза встретились. Они поняли друг друга и, не сговариваясь, побежали. Теперь уже не тоненькие спицы берез летели навстречу — вся земля, массивная и влажная, уходила из-под ног. Они бежали от позора, от обиды. Они спасали что-то незримое, бесконечно дорогое...

Но от Сережи не так-то просто уйти: у него шаги землемера. И вот уже за спиной, совсем близко, прозвучал его голос:

— Да стойте вы!..

Они выбились из сил, и Сережа в два прыжка очутился рядом. Все трое, тяжело дыша, стояли на лесной просеке. И никто не мог заговорить: мешала одышка.

Димка и Ася посмотрели в лицо Сереже и не узнали его: глаза запали, волосы спутались. Белая майка вся изодрана.

— Я вас всю ночь ищу! Мне же за вас голову снять! — сказал Сережа.

И потом обиженно пробормотал:

— И надо же было мне согласиться поехать в лагерь! Вот имей дело с таким народом... Пошли!

Последнее слово он произнес твердо и сердито.

Димка и Ася стояли на месте.

— Пошли! — повторил Сережа. — Чего стоите?

— Не пойдем — сказала Ася и тут же посмотрела на Димку, ища у него поддержки.

Димка молча стоял на просеке и враждебно смотрел на Сережу. Было такое впечатление, что он сейчас кинется на своего вожатого с кулаками.

И тут Сережа своими ручищами схватил беглецов за руки, и те сразу почувствовали его огромную силу.

Они даже не вырывались: им было стыдно вырывать-ся. Димка только сказал:

— Все равно убегу!

— И я! — поддержала Ася и сжала губы.

Все трое шли молча. Солнце медленно поднималось, и уже первые прямые лучи скользили вдоль просеки.

Они потеряли счет времени. Они шли, подчиняясь какой-то странной силе, какому-то чужому порядку.

И вдруг Большой Сережа остановился. Он остановился и отпустил руки ребят. Потом он спросил:

— У вас есть деньги?

Беглецы молчали. Они не понимали, для чего Сереже понадобились деньги.

Тогда вожатый полез в карман и достал оттуда рублевую бумажку.

— Держи! — он протянул бумажку Димке.

И тот, не понимая, в чем дело, механически взял ее.

— До станции тут километров пять, — сказал Сережа. — Дойдете по просеке до шоссе, а там налево. Вот.

Он отвернулся и, не оглядываясь, зашагал по направлению к лагерю.

Ася и Димка стояли на месте и провожали его глазами. Они все еще не могли понять, что же произошло. Человек, которому за их бегство обещали снять голову и который всю ночь бродил по лесным тропам, разыскивая их, теперь сам отпустил их в город и еще дал денег на билет.

А Сережа удалялся. Он уже не казался таким огромным и внушительным. Его фигура становилась все меньше и меньше, растворяясь в голубоватой дымке тумана.

И ребятам неожиданно захотелось кинуться вдо-

гонку за Большим Сережей. Сказать ему хорошие слова. Пожать его огромную кузнецкую лапу. И не расставаться с ним, потому что, когда рядом такой человек, все можно пережить и ничего в жизни не страшно.

От росы и тумана песок мокрый, и следы на нем видны отчетливо, не то что в полдень. Эти следы большие и глубокие. И если поставить в след ногу, то еще останется место. И очень интересно идти по таким следам, хотя приходится делать очень широкие шаги.

Впереди идет Ася, а Димка бредет за ней. И обоим кажется, что они чувствуют тепло, которое хранят следы Большого Сережи.

Человек растет. С каждым годом он становится не только выше. Он как бы поднимается по лестнице и чем дальше, тем больше видит вокруг. Новые знания, новые книги, новые открытия. Человек открывает мир и открывает самого себя.

В нем пробуждаются новые мысли, новые чувства. Одни открытия приносят радость, другие — огорчения. Трудно взрослеть. И чувства, о которых он и не подозревал, вдруг нахлынут, застанут его врасплох...

«Мне понравилась одна девочка, и все дни стали для меня радостными», — пишет из Ярославля Сережа Н.

С самом деле, как случилось, что в один прекрасный день девочка, с которой ты ходишь в школу с первого класса и которая никогда ничем не отличалась от других, вдруг стала тебе дорога? Почему тебя потянуло в школу и ты стал с нетерпением дожидаться, когда войдешь в класс и... увидишь ее?

А может быть, с ней что-нибудь произошло? И она из обыкновенной девчонки превратилась в самую красивую, самую близкую? Ты идешь рядом с ней и

несешь ее портфель. Тебе радостно и тяжело. Радостно, потому что она идет рядом. Тяжело, потому что кажется: весь город, все прохожие, все ребята видят, что с тобой происходит.

Если с ней действительно произошли такие перемены, то почему никто, кроме тебя, не замечает их? Почему ребята по-прежнему толкают ее на переменах и просят списать задачку? Почему они смотрят на нее равнодушными глазами? Значит, с ней ничего не произошло. Произошло с тобой...

Множество писем приходит от ребят. Пишут, чтобы найти ответ на самые волнующие их вопросы, пишут, чтобы лучше понять самих себя.

Но книга может лишь помочь человеку прийти к решению своего жизненного вопроса. К ответу, который будет правильным только для него, а его соседу или другу уже не годится. К таким вопросам, которые можно решать только самому и для себя, относятся и те, которые были поставлены передо мной читателями в своих письмах.

«Может ли мальчик дружить с девочкой, как с самым настоящим товарищем?» — спрашивают, например, шестиклассники.

А вы присмотритесь внимательно к себе в классе, во дворе, в пионерском лагере: большинство мальчиков и девочек дружат. Дружат на равных, дружат интересно и преданно. Часто мальчика

и девочку могут сдружить общие интересы, общие увлечения. Случается, что такая дружба остается на всю жизнь.

Бывает, что девочка делится с другом-мальчиком своими сокровенными мыслями охотнее, чем с подругой. А мальчик расскажет девочке то, что не доверит друзьям-мальчишкам.

Дружат — и никаких сигналов тревоги, никаких недоразумений.

Дружат — и эта дружба помогает им в жизни, в учебе — во всем.

«Как хорошо, что у тебя есть настоящий друг и он тебе нравится...» — утверждает Таня К., как бы отвечая на вопрос шестиклассников.

Мы все выросли и живем в коллективе. И многие вопросы — учебные, работы, научного поиска — привыкли решать коллективно. Но есть вопросы, которые нельзя обсуждать на общем собрании, — это личные вопросы дружбы, любви, привязанности. Такие вопросы могут решать только два человека. Решать искренне, благородно и чисто. И только, если один обманет доверие другого, обидит, если прозвучит сигнал тревоги, тогда на помощь могут прийти настоящие друзья.

Что же, крепись, человек. Постарайся выдержать жизненные испытания. Постарайся мужественно совершить восхождение по склонам возраста к его вершинам. И береги чувства, рожденные в твоём сердце.

Яковлев Ю. Я.

Я 47 «Жених и невеста». М., «Молодая гвардия», 1974.

96 с., с илл. 100 000 экз.

Книга состоит из небольших историй-новелл, рассказывающих о взаимоотношениях ребят, о первом робком чувстве любви, о дружбе между мальчиками и девочками.

P2

Я 0763—079
078(02)—74 82—74

Яковлев Юрий Яковлевич

«ЖЕНИХ И НЕВЕСТА»

Редактор Л. Лузянина

Художник В. Рогачев

Художественный редактор В. Плешко

Технический редактор И. Соленов

Корректоры Г. Трибунская, Л. Четыркина

Сдано в набор 20/IX 1973 г. Подписано к печати 12/XII 1973 г. А00854. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 3 (усл. 4,2). Уч.-изд. л. 3,7. Тираж 100 000 экз. Цена 12 коп. Т. П. 1974 г., № 82. Заказ 1502. Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.